Валерий Рыжков
КАПИТАН
ОРИОНА
роман-эссе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о времени и надежды для всех. Каждому дано познать свое время. В небе зажигаются новые звезды, и у каждого в жизни произойдет свое чудо. Мир есть Я Ты Они, в котором Мы живем. Чужих людей на земле не бывает. Большой стране нужны мы преодолевающие все трудности на земном пути. И дается своя доля каждому человеку по отмеренной мере времени. Есть Время любить, и Время верить, и Время выбирать пути-дороги.

- Валерий Дементьевич Рыжков
  - Глава 1. Под созвездием Ориона
  - Глава 2. Пути – дороги
  - Глава 3. Места не столь отдаленные
  - Глава 4. Попутный северный ветер

Валерий Дементьевич Рыжков
Капитан Ориона

Глава 1. Под созвездием Ориона

1. Невозможное возможно.

…В гавань вошел бриг «Орион» на алых парусах, на котором когда-то служил Лонгрен, отец девочки Ассоль… самой солнечной девочки…

Я проснулся знаменитым, когда в Интернете объявили, что являюсь лауреатом международного конкурса. На следующий день меня сменил другой лауреат, а его следующий номинант. Знаменитые личности приходили ниоткуда и уходили в забытье Интернета, как секунды часов.

Это был короткий рассказ, без пояснений некоторых упущенных моментов ради сохранения жанра. Некая почитательница из числа филологов стала задавать вопросы: «Кто Он? Кто Она?». Я ответил ей: «Какая разница кто Они, может в какой-то момент это Ты и Я или Твои соседи по дому, сослуживцы по работе. Это Мы. И больше не спрашивай их имя, год, день рождения или смерти в настоящей жизни это ничего не значит».

«В тот год ей было тридцать пять лет».

Да, ей было столько лет, середина жизни, или та часть жизни, в которую уже никогда не вернуться. Детство, юность, первая любовь.

«Она брела по промерзшему Ладожскому озеру. Она шла к полынье, где холодная февральская вода с осколками льда водила свинцовые хороводы. К ней подступала такая тоска, состояние отчаяния, что слезы катились, по щекам не замерзая. В проруби вода бурлила, поджидая жертву. Она сделала шаг, еще шаг и подошла ближе, так что почувствовала леденящий холод острых льдинок».

Она шла по Ладожскому озеру. Это летом с крепостной стены Шлиссельбургского каземата открывается дивная панорама северной красоты водной глади озера, по которому плывут катера к острову Валаамских православных храмов и монашеских скитов. Тут была оставлена зарубкой в человеческой памяти еще одна тяжелая страница истории военных лет это знаменитая «дорога жизни», когда по льду машины-полуторки под вражеским обстрелом снарядов везли с Большой Земли продукты в осажденный блокадный Ленинград. До прорыва блокадного фашистского кольца столько ушло под лед людей, ради того чтобы выжили другие.

«Ей было нисколько не жутко. Её фигура согнулась под тяжестью одежды и порывистого ветра. Над белым безмолвием затемнело так, что не было видно ни зги. Она еще на шаг приблизилась к полынье, подумав в этот последний миг: «Вот я брошусь в эту бездну, и все счеты с этим миром будут кончены».

Так устроен человек, что обязательно, когда он хочет выдать себя за жертву, то непременно желает возложить ответственность на природу. Но Ладоге такие жертвы не нужны. Воды ее чистые и родниковые.

«Сердце ее защемило при мысли об оставленных детях и постылом муже. Она услышала свой стон, но сделала еще шаг вперед. Вода в полынье не отражала звездного неба. Мороз крепчал. Она с трудом ступала шаг за шагом. Еще шаг к вечному безвестию».

Неужели ей никто не скажет – стой. Остановись! Вот глупость, за какие такие долги в пропасть, да в полынью. За что? Вот вопрос! Она идет в ночи зимой под леденящим ветром по безмолвию. Вот тоска человеческая, где бок о бок шесть или семь миллиардов людей, живущих на планете Земля. Нам, что тесно в трамвае, в метро или вообще нам тошно и пресно в этой жизни. Чем или зачем живешь, может этот главный вопрос у каждого из нас, а мы трусливо замалчиваем трудные вопросы, утверждаемся в своей гордыне, и нам нет дела до неудачников.

«Она подумала, что произойдет, когда сделает последний шаг. Она вспомнила, что согласие на этот брак она испросила у Любушки Блаженной. Тогда та не сказала, будет ли она счастлива, а на вопрос, выходить замуж или нет, ответ был такой: «Как хочете».

Выйти замуж по любви! Это вечная тема русской литературы от пушкинских времен до наших дней. Можно быть красавицей или умницей, наивной и веселой, только вот, когда восемнадцать лет, то в эти годы все прекрасны от молодости. Выходят замуж с трудом, или без труда, но выходят по чувству женской природы, где ключевое звено в продолжение рода человеческого, которым у нас наполняется чувством любви. Без любви никакого брака не бывает. Что потом следует, то об этом говорят еще проще, что любовь была слепа.

«Только и сказала, что выходи замуж через венчание. Вот и весь венчальный крест. Вот тебе и ответ. А слово суженому уже дадено, как говорится в деревне, пиво сварено, значит, дело – сделано. Как дальше жить? А метель подпевает: «Как «хочете». Что я хочу? Что?»

Кто ценит время жизни в юности или молодости. И когда нам за тридцать, вот тогда, и время полетело секундной стрелкой, и

что-то безвозвратно уходит, еще не понимаешь, что именно, но охватывает тревога, и это не волнение юности и не легкость бытия, когда подступает циничность и небрежность ума, забывая, что главное богатство человека это гармоничная жизнь. Предназначенность жизни – это еще не предначертанность судьбы. Себя не обманывай, и жизнь тебя не обманет. Но в нужный момент кто-то должен подсказать и сказать тебе, в нужный момент, во всех остальных случаях мы остаемся глухи и слепы.

«Этот рыбак появился как из-подо льда. Он был в меховой шапке, в тулупе и валенках. Он встал перед ней. Посмотрел на нее сердито и произнес: Я давно тебя заприметил и видел, как ты шла к полынье. Не надо этого делать. Иди обратно. – Он взял ее за руку и повел в сторону берега».

Так поступают серьезные люди, люди из службы спасения, так спасают люди в белых халатах, так можно спасти от суицида, только говори-говори, не останавливайся, убеждай, отводи от пропасти, от полыньи, от подоконника многоэтажного дома. От опасности, которая подкарауливает нас, глупых или наивных, или от преднамеренных уловок мошенников. Говори-говори.

«Эх-эх. Смерть одиноких любит. Ничего не говори, я тут за эти годы на многое насмотрелся, если баба идет топиться, то страдание по женской части, несчастная любовь. Нас связывает слово любви не тогда, когда мы любим, а когда нас любят. И только эта любовь может остановить перед падением в грех. Еще больший грех мы совершаем, когда перестаем любить себя, и когда продаем свою любовь, и когда душа не готова к любви, а тело стремится к соитию. – Он сделал первую остановку, отойдя от полыньи».

Не знаю, услышала она каждое его слово, или нет, но она послушно пошла за своим спасителем. Озеру Ладоге оказалось не нужна эта жертва-утопленница. Воды Ладоги чистые и родниковые, которые питают Неву и Балтийское море.

«Вот твоя тропинка, она тебя выведет на дорогу, а там к дому. Детей своих не пужай. Любовь не горе, а счастье. Поверь, не на всех ложится счастливый перст Божий. Грешных людей очень мало на земле, а больше всего на свете несчастных и одиноких и они-то чаще всего пребывают в заблуждении. Сказав это, он исчез».

Убедил он ее, и этим спас от погибели. Не ради награды, а ради жизни на земле, делая по воле и проведению свыше. Полынья – бездна, только долгая жизнь ведет нас к вечности.

«Она действительно по той тропинке вышла на дорогу, а как до дома добралась, уже и не помнила. Но доброе лицо рыбака она

помнила всегда».

Остановись мгновение! Невозможно? Тогда пусть жизнь продолжается. Следом за зимой наступает снова весна, и лед на Ладоге вскрывается, и льдины в течении Невы тают под лучами солнца. На деревьях вскрываются почки, и изумрудной зеленью расцветают парки и сады. Начинается навигация. Корабли караваном выходят из Невы, минуя пороги, уходят на остров Валаам, или в другие порты Ладожского озера. Утром другие корабли входят в сонную Неву, проплывая мимо Шлиссельбурга, пробуждая к трудовой жизни. Маленькая девочка, у которой второе имя Ассоль, машет рукой белому пассажирскому кораблю. Ей читают отрывки из книги, которая, как бывает в провинциальной местности, без обложки, и некоторых страниц. Ее воображение дописывает сюжет большой сказки.

…Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнет алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Веришь? Верь! Доверяешь своей судьбе? Доверяй! Это про меня? Откуда они знают, что это я? Вырастишь, узнаешь. Лонгрен, матрос с «Ориона», он, что мой дядя, а Грей его племянник. Не надо ничего путать, это мы потом разберем, кто кому и кем приходится по родственной линии, а теперь нужно усвоить главное, что мечтать – это значит обгонять время, предугадывать будущее. Я этого не понимаю. Как я хочу быть большой и красивой. Это мало, надо быть умницей и все понимать, что тебе говорят взрослые, и слушать свою маму.

В 1968 году 27 июня произошло необычайное событие в Ленинграде, по Неве проплыл корабль с Алыми парусами.

Наступает следующая пора времени белых ночей в городе, приходит другая юность, с новым стилем музыки и поэзии. Весь город в эту ночь становится кораблем счастья и радости. Начинается новая фантазия жизни. Наступает утро и мы становимся другими.

2. Советы практикующего врача.

Сейчас всех охватил бум оздоровления, это большой и дорогой проект. Культ здоровья, как новейшая религия, новый опиум для народа. Под лозунгом сам себе врач. Комплексная интегральная диспансеризация показала, что в стране практически все здоровы, а бесплатные диагнозы остеохондроз и невроз лечат в баньке «Посейдон», где по бесплатной акции прилагается массаж двух любых зон. Каждый знает, что только прикосновение создает гармоничные отношения между людьми.

Как при подледном лове, рыбка от кислородного голодания сама всплывает к лунке, где рыбак ловит ее простым крючком.

Ложное представление здоровых людей, что можно заболеть старостью. Молодость сама вакансия старости. Прислушайтесь к совету остеопата, берегите четвертый шейный и пятый поясничный позвонки, и жизнь наладится. Жизнь без прикосновения – тюрьма для тела. Диспансеризация стала лекарством для сварливых, злобных и ревнивых людей. Для них спасение прежде всего в искуплении долгов и грехов. Совет: перестаньте быть должником – верните долг близким, если по совести, то лучше – деньгами.

Теперь советы по здоровому образу жизни для женщин это, прежде всего, плоский живот, силиконовая косметика и высокий каблук.

Не превращай жизнь в сон пустой. Даже, если психотерапевт говорит, что сон это подсознание. Подсознание это сон и явь, быть или не быть, свобода или необходимость в своей человеческой сути.

Здоровые пациенты любят слушать докторов. Заметим, что малочитающие люди чаще хворают. Есть еще одна особенность национальной культуры, это красиво болеть. Вот, например, африканец не будет жаловаться на головную боль, или головокружение, во всех тех нюансах нашего мышления. Для африканца головная боль однообразна, без понимания гаммы болевых ощущений. Это, как у эскимоса, снег имеет десять названий, а у южанина из Средней Азии снег только одного цвета – белого, и иного, не бывает.

Монетизация медицинского обслуживания привела к обесцениванию культа лечения. За комфортной реабилитацией отправляются в медицинский центр, или в хоспис, после безрезультативного лечения, в котором предоставляются услуги комфортного умирания за умеренную плату. Такой стала психология рационального пациента в экзистенциональном мире. Смерть не заговоришь, а жизнь не утешишь молчанием. Можно болеть болезнями, и быть здоровым. Больной приходит к врачу по нужде, а врач на помощь к больному по благословению. Прислушайся к врачу, умерь гордыню, который дает имя твоей болезни. Своевременно воспользуйся мудрым советом. Скорее исцелишься. Искушение велико во все годы жизни. Не искушайся зазря. Из книги Иова, насыщайся днями счастливой жизни. Болезнь – испытание. Уныние и депрессия – это грех от падения духа перед данным испытанием. Кто одолевает трудности, тому и даются дни счастливой жизни.

Средней продолжительности жизни нет, есть индивидуальная

мера жизни. Под понятием средней ожидаемой жизни понимается дозволенность здорового существования. Притом, при всем, если ведешь здоровый образ жизни, и не являешься рабом своих пристрастий. Читай и повторяй наставления на сон грядущий, при испытаниях поможет и успокоит.

3. Кто он такой человек – человечек!

Маленький человек в большом городе, или большой человек в маленьком городе. Иногда можно ставить знак равенства в определении человека, если случилась ситуация сто двенадцать, и нарушилась тихая размеренная жизнь, которая шла строго по расписанию. В квартире отключили газ, воду, что-то прорвало, где-то лопнуло, обнаружились мелочи коммунальной катастрофы. Звони в службы спасения, и жди. Жди?! В телефоне успокаивающий голос – оставайтесь на линии, и тихая мелодия ноктюрна Шопена. В тревожной ситуации в каждом из нас клокочет протестное состояние, что именно, вот Шопена, сейчас и не хватает. Это так думается в первое мгновение, а потом успокаиваешься и одиноко ждешь спасения, и крепко задумываешься о смысле жизни, и лопнувшей трубе. И почему это случилось именно у тебя, а не у соседа, который на прошлой неделе поменял все трубы в своей квартире. Кругом множатся одни эгоисты, никто не приходит на помощь. Опять звони по сто двенадцать! И жди!?

Проходит некоторое время, когда ощущается голод, холод, и недостаточность любви от ближних и родных. По обстоятельству голода идешь в ближайшую закусочную. Голодный всегда торопливо читает с аппетитной слюной меню кухни: европейской, кавказской, азиатской, средиземноморской. С ужасом задумываешься, откуда на этом клочке земли, столько вкусных заведений. Вот показалось на углу Сенной площади нейтральное кафе «Столовая ложка». Чистый обеденный зал без мух и тараканов. Философские понятия формы и содержания преобразовываются в простые определения меню предлагаемых ингредиентов. Про все написано очень вкусно. Блюдо лагман. Это лагман? Это суп с лапшой. Я был в Средней Азии, и меня угощали домашним лагманом в казахской семье. Это Бурито? Похоже на шаверму девяностых годов. И где мясо по – мексикански? Потому и называется, по мексикански, они как индийцы, тоже вегетарианцы. Не спорю, я в Мексике не был. Салат, больше похож на гарнир. И особенный чай – молочный пуэр. Лишь бы назвать, как говорят, от фонаря. Вот, если день не задался с утра,

так это до вечера. Короче, получи континентальный завтрак туриста за двести рублей. Насытившись пищевыми добавками и специями, теряешь интерес ко всем аппетитным вывескам, как и к жизни.

Еда утолила голод, заглушила первый безусловный рефлекс, но, тем не менее, в большом, или маленьком городе, просыпаются другие безусловные и условные рефлексы, которые ускоряют движение жизни. Читайте инструкции, и пользуйтесь по ситуации сто двенадцать или ноль три. На море – спасательным кругом, в дождь – зонтом, но когда светит солнце – не бегите в тень, а когда мерцает луна, то глядите на звезды. Радуйтесь жизни. В ситуации экстренной помощи – оставайтесь на линии и слушайте музыку Шопена. Первый, освободившийся диспетчер, вас обслужит. Живите в режиме ожидания, и ждите.

4. Петербург город дождей и белых ночей.

Петербург – культурная столица, где кафе место для одиночек, вокзал пассажирского зала для встреч и прощаний, проспекты – это ежевечерние показы последней моды глянцевых журналов, а закоулки остаются для влюбленных. Этот город живет то, как театр, или, как музей, под открытым небом. Петербург никогда не делится надвое, он как в белые ночи, когда сутки сливаются в молочный цвет, разрушая гармонию сосредоточенности, мира реальности, рассеиваясь в городских закоулках, создавая хрупкие сплетения в чувствах любви.

После отмены крепостного права в восемнадцатом веке город усадебного дворянского типа, чем то, напоминая современные коттеджи на приморском побережье, устремился ввысь с надстроенными четвертым и пятым этажами, населив его другими людьми – разночинцами. Расселялись особым образом, по рангам этажей. Так на втором этаже оказывались богатые дворяне, на третьем – состоятельные купцы, на четвертом – чиновники, а на пятом – мещане и студенты. После революций интенсивно продолжается косметический ремонт только фасадов дворцов. В Великую Перестройку стали встраиваться из стекла и пластмассы здания деловых центров, так называемые инкубаторы интеллектуальной жизни офисных планктонов. Язык ума сменился непосредственностью мышления. В этом стала отражаться свобода мысли. И все – таки город не надо понимать, как сад бабочек, когда видишь в одно мгновение цикл жизни через метаморфозы яйца, гусеницы, куколки, бабочки. Эта цикличность напоминает о связи звеньев всеобщего

существования на земле. Так, например, жизнь бабочки Метеор всего пять дней, а в неразрывном цикле сообщества насекомых нам представляется, это мгновение вечностью жизни на планете, где вечность не делится на мгновение.

Июньский день в городе к четырем часа сменяется духотой порывистого ветра и преддождевого воздушного парения. Офисные работники бегут с работы, забывая об отчетах, записках, проектах до завтрашнего дня. Мгновение, которое на бегу, превратилось в пустоту дня. Еще час, и пыльная загазованная улица, освободится от усталых утомленных и безликих прохожих. И тогда пустота заполнится другими ощущениями жизни.

Фонтанка несет темно-зелено-желтые воды к заливу. Солнечные зайчики не будоражат воображение. Небо поднимается разорванными облаками вверх, и воздух наполняется прохладой под косыми лучами солнца.

У дворца-замка между каштанами отражается игра солнечных полутеней на зеленной траве.

Вечерний город становится маскарадным, когда вдруг все прохожие одевают праздничные и беззаботные маски.

На Сенной площади в проходе между зданиями заполняется безмятежными гражданами в кепи с натруженными мышцами тела. Подкатывают на такси размалеванные девицы на ночное рандеву. Город освещается неоновыми рекламами. Бренчит гитара. Играет флейта. Каждый является в богеме толпы, если не музыкантом, то поэтом.

В этом городе дождь делает всех демократичными, заставляя раскрывать над собой зонты, чтобы спрятаться от дождя.

5. Игры, в которые продолжают играть другие.

Я проснулся, и стал искать глазами нужный предмет, и увидел вензель записки «Твоя провинциалка». Кто это написал? Я могу сказать точно, и то, что именно, этот рассказ, не имеет к ней никакого отношения.

«Каждая девушка переживает в себе образ провинциалки».

Это когда девушка делает поступки, за которые отвечает она сама, и которая с восторгом восхищается красотой уродливых архитектурных зданий.

«Мне нравится этот чудный город. Люди прекрасны в этом городе! – восхищенно произносит она в белые ночи».

Каждый, кто смотрит на нее, как на невинное создание человеческой природы, и верит в тоже, что и она, забыв о лесе, чистом пруде и ромашках.

Проходит время, и отражение шпиля Петропавловского собора блекнет, и ночи становятся обычными. Что же происходит с нашей героиней повести.

«Люди, как амебы. Я соскучилась по солнцу. Тут нет жизни. Дожди, дожди и мало солнца. Я хочу тепла. Мужчина не может дать мне женского начала и ласки. Когда я с мужчиной и мне плохо, то я думаю, зачем нужен мужчина»

Мужчина в жизни женщины, это естественная природа отношений полов, это сила отношений и ответственности. В этом городе темперамент мужчины зависит от природы, и только искусственно скрыт за холодной внешностью.

«Мне тридцать. Я что старуха? Докуриваю последнюю сигарету и начинаю новую жизнь».

Она не хочет подчиниться паспортному возрасту, и ведет себя капризно, как большая девочка.

«Я не люблю этот город. Этот дождь. Этих людей – медуз».

Она уехала на юг. К солнцу. Она в дорогу взяла одну сумку. Я ее еще раз увидел в толпе молодых юнцов, скорее услышал ее насмешливый голос.

«Мой загар? Вы хотите рассмотреть его поближе? Пойти с вами на дискотеку? Если вас волнует ваши сердца стук моих каблучков, то я для вас свободна».

Проходит время, а будто ничего не поменялось, вновь объявляется милое создание. На вопрос кто вы, профессия, имидж, короче кто вы? Она, недолго думая, отвечает: «Красавица». Есть такая профессия, и образ, и определено одним словом, Красавица.

И однажды этот падший Ангел оказывается в группе психотерапевтической поддержки. Ее улыбка, ее чистый взгляд. Ее жесты были похожи на полет бабочки над цветочным полем. Элегантный вид одежды, на два размера меньше, будто она забыла, что она чуть – чуть за десять лет подросла к своим двадцати четырем годам. Черный цвет ее одежды подчеркивал миловидность бледного личика.

«У меня проблема с мужем. Я состою с ним в гражданском браке, так разрешается законом. Он меня безумно любит, а я его – нет. У меня есть любовник. Тот настоящий самец. Я их знаю давно, того и другого. Если бы мне сказали, выбери себе одного из двух, то я не смогла бы, я без них не могу жить. Наверно я такая плохая. Конечно, они догадываются, что они для меня существуют, каждый из них, и вместе и раздельно. Я не больна?» Пришло время ее прервать, но это невозможно, она говорит и говорит, как в радиопередаче «Спокойной ночи малыши». Продолжай, говори-говори.

«Я их знаю с шестнадцати лет. У меня было две беременности. Я не хотела иметь ребенка, теперь хочу. Очень хочу. Но я боюсь, а что если я останусь одна, и у ребенка не будет отца. Меня отец оставил, когда мне было одиннадцать лет. Я плохо помню тот период жизни, но я почувствовала, что значит быть одинокой и беззащитной. Меня очень любили и всегда баловали, а потом все исчезло из моей жизни и игрушки, и подарки. Когда отец ушел, то у меня началась астма. Я задыхаюсь! Особенно, когда я волнуюсь».

На этом моменте понимаешь, что виноваты в ее жизни еще и родители. Где они? По сценарию они приехали, прячутся за дверью, сейчас они выйдут, их надо обнять и простить, но никто не выходит, и некого прощать. Это просто режиссерская фантазия. Говори-говори.

«Сейчас хочу ребенка. Мой муж в этом вопросе молчун. Он два года сидел в тюрьме. За рэкет. Он по природе насильник, а в постели с ним скучно. Я предохраняюсь, а из-за этого переизбыток гормонов».

Может муж что-нибудь прояснит, но его нет сейчас в городе, у него пошла черная полоса в жизни. Он не работает. У него нет возможности содержать семью. И тут спросить не с кого. Еще один прикол.

«Мой друг мавр. Он со мной поступает, как только могу представить в своем воображении. Я альтруист. Я хочу, чтобы и другим было хорошо».

Я дал характеристику этого падшего Ангела в книге «Золотые ключи общения», где психотерапевтическая группа помогает выйти из-за затруднительного положения жизненной ситуации. Хотя её вся жизнь как карикатура. Говори-говори.

«Я признаюсь, что была алкоголичкой, пила наравне с ребятами. Очень много, даже была в отключке. Я и курила. Нет, не кололась. Наркотики это для меня означает конец. Я слабая. Я никому не хочу сделать больно. Я готова уйти от мужа. Могу уйти к маме. Но у нее сожитель почти мой ровесник. Моя мама меня к нему ревнует. Мне не нравится ее квартира. Нет, к ней я не пойду».

Это путь по лабиринту или кругу ада, или просто глупая жизнь. И при всем том опять произносится, в ее словах, не хочу, не могу. Короче, это всё депрессия.

«Что мне нужно сделать, чтобы изменилась моя жизнь? Соблюдать режим? Рано вставать? Диета? Я люблю острые блюда. Но не могу это есть. Я переболела гепатитом. И были женские болезни. Я кричу от боли внизу живота. У меня анализы хорошие, просто идеальные, а ведь переболела сифилисом, и четыре креста

в анализах было, а теперь отрицательно. Это значит, что в этой части тела я здорова. Я боюсь снова заболеть. Я должна поставить точку. И начать новый отсчет времени. Так разве возможно!»

«Конечно!» – сказала в один голос группа поддержки, что никогда не поздно вернуться в общество, по всем заповедям. Если плохая жизнь складывается только из-за несоблюдения режима отдыха и питания, то десять новых построенных домов отдыха решат все проблемы наших падших Ангелов. Так ли это? Далее следует категоричный совет: начни другую жизнь.

«Я хочу начать новую жизнь. И что необходимо соблюдать режим, диету, читать умные книжки? Согласна. Мне нужно учиться. Я незрелая. Мне всего-то двадцать четыре года. Сейчас смешно вспоминать, что в шестнадцать лет думала, что я очень взрослая женщина, а была просто глупая и взбалмошная девчонка».

Она закончила свой монолог потоком слез. Это вызывает у слушателей восторг умиления. Психотерапевтический сеанс закончился инсайтом, это что-то вроде внутреннего прозрения. Она вытерла слезы. И улыбнулась невинной улыбкой. Что сказать – просто красавица.

В девяностые годы все прошли школу психологической переподготовки. И каждый готов дать один совет: работай над собой, помоги самому себе, предупреждай конфликты. Гигиена духа, мыслей и чувств – это путь к здоровью.

6. Караван в пути.

В молодые годы мир представляется только караваном желаний. Что-то напоминает восточную сказку «Тысячи и одной ночи», хотя подстрочный перевод с арабского языка звучит, как «одна и еще одна ночь». Чем живет человек, пока живет, тем, что он стремится к самопознанию и познанию мира. О чем спорят мужчины и женщины, строящие общий мир во всем мире. Я дал объяснение таким отношениям мужчины и женщины в другой книге «Караван желаний». Любовь созидает этот мир и взаимопонимание между людьми, между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми. Человеческая трагедия наступает, когда люди играют не себя, а других.

«Когда она присутствовала рядом, я ее не чувствовал. И вот когда она ушла. Исчезла ее тень. Ее дыхание. Ее молчание. И тут мне стало не по себе, даже грустно. Леденящее ощущение тоски.

Как же так, я считал, что в моей жизни она была когда-то ни кем, а при первом ее исчезновении меня охватил приступ

тоскливого одиночества.

Все мое существо восклицало: так не может быть! И вот наступил момент истины, и свершились события как факт. И это прошлое стало существовать в настоящем, и вползать в мое будущее.

Теперь мне предстояло избавиться от наваждения. Остаться на прежнем месте. Не ходить там, где ходили вместе. Дышали в одно дыхание, когда сливались наши тени».

Я могу не комментировать это состояние, в котором прибываем в ощущении томления и влюбленности, когда говорим о своих сокровенных желаниях, думая, что все понятно без слов. Раньше была такая песня, после буквы «Л…» только точки. Хотел сказать, но не умел. От чувства к чувству мы растем духовно.

«Я понял, в чем мое наваждение. Я дал себе слабость принадлежать женщине, а потом Богу. И за это наказан одиночеством. Для каждого человека это ощущение небытия. Одиночество может быть даром и наказанием. Женщина ушла. Только бог над тобой всегда. Женщина может вернуться и снова искушать меня. Только Бог надо мной».

У некоторых народов в языке слово любовь определяется конкретным образным словом, как чувство любви к матери, детям, или к женщине. Считается, что любовь, которая превыше всего на свете, теряет смысл нежной любви, и скорее близка к эгоизму или сумасшествию. У каждого народа своя книга любви.

«Если ты ушла, то я не буду тебя возвращать. Ты ушла в прошлое, потому что ты не делишь со мной настоящее. «И ты как эхо повторила: я люблю. Тебе поверил. Эху нет». Я нашел эти строчки в старых своих записях. Я давно забыл об этих словах. Я не живу теперь ожиданием.

Мой опыт подсказывал надо жить настоящим. Тогда я нервничал от предчувствий. Проигрывал в карты ей партию за партией.

– Не везет в картах, повезет в любви.

– А как же я?

– Каждый играет за себя, – ответила она.

Так о чем жалею? О том, что каждый играл за себя. А спастись мы могли, вернувшись в настоящее».

Караван жизни перевозит нас с одного места в другое, одаривая новыми ощущениями и предчувствиями. Это миг разглядел на Онежском озере, где на острове возвышался древний собор Кижи.

«Есть при расставании даже со случайным спутником ощущение грусти. Утрата еще неосознанного чувства любви со щемящим ощущением упущенного времени и неповторимости

произошедшего. Эмоциональная слабость уступает разумным рассуждениям о том, что в жизни есть встречи и расставания. Есть недосказанность, как при воздушном поцелуе, не пережитое в страсти, и волнение предчувствия любви до изнеможения. Когда говоришь самому себе: всё, точка. Вот счастье. Вот переживание любви… И когда этого ничего нет, а есть предчувствие. Есть зачатки первых страданий. И всё, как обман. Еще ничего и не было, а уже обманулся в чувствах. Воздушный поцелуй. Взмах руки, и она, живущими грезами «Алых парусов» уплывающая на белом катере».

Есть счастливое неведение глубины, где не видишь ни конца, ни начала. Да, завтра этой дорогой пойдут другие, и ты поймешь, что счастье есть, и оно мгновенно, и мимолетно, это счастье, которое может снова повториться в нашей жизни. Если все так, то мой караван еще в пути.

7. Коль честен – говори, не умолкай.

За три года до миллениума вышел сборник медиков-литераторов за счет средств авторов. Очередной сборник был назван по одноименному рассказу «Французская песня», который заканчивался словами французской песни «…. но этого не будет, не будет никогда, потому что ты проходишь мимо».

Мой рассказ был об «Отце Сергее», а в гражданском миру – о Сергее Дмитриевиче. Меня встретил сорокалетний старец, опираясь на костыли, ноги обездвижено свисали, носками стоптанных ботинок касаясь пыльного пола. Теперь через десять лет он пользуется только коляской.

– А вера помогает в исцелении? – спросил я его.

– В исцелении многое что помогает. Моя матушка была всегда атеисткой, а теперь на себя крест надела, как выздоровела. Болезнь человека сближает не только с врачом, но и с Богом. Но не всегда в горе можно помочь человеку. Тут соседка, пожилая женщина, пришла ко мне, и просит меня прийти к ее сыну, перед армией это был красивый и сильный молодой человек. А привезли его из бойни без рук и ног в люльке, теперь лежит он в ней, как младенец, ругается и плачет. А чем я могу ему помочь? И такое бывает в цивилизованном мире, – он провел рукой по шелковистой бородке. – Бог в агитации не нуждается, рая на земле не построишь, но из этой жизни уходить не стоит спешить, туда надо идти в твердой вере. Жить нужно по вере, а как веруете, так и верьте.

Его матушку после инсульта поставили на ноги, она стала

выходить на улицу.

– Сергей Дмитриевич, может, и вам нужно в больнице полежать – полечиться?

– Что вы, доктор. Это мне надо войти в образ больного, а потом выйти из этого образа, так что и на лечение времени не останется. Теперь и в церковной больнице койко-день считают. Пусть матушка лечится, а я тем временем на подаянии на хлеб заработаю, помолюсь за добрых людей. Вся беда в том, что человека поставили в центр, а не Бога. Бога сделали прислугой человека. А что человек? Он от Бога. Бог за прегрешения не наказывает. Бог палкой не бьет, но наказывает, а верить в Бога надо.

Через несколько лет он обратился помолиться за верующих активистов, которые вместе с ним приняли участие в реставрации церкви Святого Пантелеймона – Целителя на территории больницы для душевнобольных.

Внутри церкви тихо произносит у иконы молящийся: «Братия! С нами Крестная Сила! И, да не дрогнет! И, да будет стоять вовеки Святая Русь!»

Сергей снова просит разыскать могилу депутата Думы на кладбище Александра Невской лавры, и за него помолиться. Его жизнь оборвалась в лихие девяностые годы. За великие дела никто не бывает забыт. Придет время и многое откроется. В далекой глуши в заштатном городке молится за него отец Сергей.

8. Трудный диагноз.

У каждого свой жребий, удача, а иногда счастливый случай. По делам определяется человек. Так началась и моя деятельность в Большом городе в Белой обители.

«К северу от центра города за Садом расположена больница. Бело-кирпичное здание имело угрюмый казенный вид. Через проходную, показывая пропускной билет, спешили на работу сотрудники больницы.

…Только доктор может понять организм больного. Житейская истина такова: человека определяют больным по данным анализов, поэтому больной хочет полного обследования. Только больной верит врачу. Верит во врачебный диагноз.

…Если все зависит от вредных привычек, он (каждый пациент) давно бы бросил пить, есть, курить. Но доктор не гарантирует, что все болезни прекратятся со строгим ведением образа жизни. Не гарантирует! Так и совету этому в глазах больного – грош цена. Пусть доктор убедит! Только врач никого

не убеждает. Потому что он сам пьет, ест, а некоторые даже курят!?

Разумеется, у доктора есть главный козырь – окончательный диагноз после болезни или вскрытия. Но этот диагноз, может быть, не всегда совпадает с тем, как жил больной, во что верил.

…Самый трудный диагноз – окончательный. В нем ошибаются и астрологи, и хироманты, и даже врачи».

Так, случилось, я стал свидетелем, как врач справлялся со своим непоправимым недугом, со своей болезнью тела. Ему было лет чуть-чуть за шестьдесят. Он сам ежедневно ставил диагнозы пациентам, лечил или утешал в зависимости от окончательного диагноза.

«На следующий день Словину сделали фиброгастроскопию, что подтвердило, что болезнь прогрессирует.

Словин, несколько был удрученный обследованием, вошел в ординаторскую. Зимин увидел в его глазах затаившуюся грусть. Зимину приходилось видеть глаза своих пациентов, которые уходили в себя, в свои одинокие мысли. И ни к чему уже тут анализы крови и мочи.

Вся глубинная информация, которая годами закодированная в нейронах, вдруг прорывается через щит самоуспокоения, который разрушается сначала на молекулярном уровне, а потом переходит на более высокий клеточный уровень организации живого организма. И всё завершается на органном уровне с явными признаками патологического разрушения. И первый отсвет, как от потухшей звезды из далекой галактики, мерцает слабым признаком жизни. Больной человек смотрится в зеркало и думает, что это всего лишь усталость, которая непременно пройдет, только нужен более длительный сон, качественное и количественное питание, в чем он в последнее время отказывал себе. Думал ли он о семье или семья, о нем? В такие моменты наступает смертельная угнетенность воли в каждом человеке. И вечный вопрос на больничной койке: «Зачем жил». Этот вопрос, как правило, никто не задает в двадцать или сорок лет. Зачем, когда жизнь в шоколаде. И всегда этот вопрос всплывает в сознании за пятьдесят лет ни раньше, ни позже. И зачем мучить вечным неразрешимым философским вопросом о смысле жизни после сорока лет? Но просто так человека не переубедишь в целесообразности бытия. Проходит день, два, а человек, как жил вчера, с теми же заботами просыпается и сегодня».

Тогда я принял эстафету знаний, заветы, и как Ученик продолжил мысли и надежды Учителя.

У философа Алексея Федоровича Лосева есть завет: «Работать над собой, учиться и учить». Так я стал науковер.

9. Приметы чувств.

И еще в белые ночи в Летнем саду на каменном острове открывается театральный сезон. В центре театрального зала сцена, открытая со всех сторон, возвышается, как лобное место.

Актеры на сцене. Режиссер произносит: «Прочувствуйте в себе другую жизнь в другом измерении. Вы, или в далеком прошлом, или в далеком будущем. Вы есть природа. Вы распущены. Вас не связывают, как сейчас, никакие ритуалы: ни религия, ни моральный кодекс. Вы ориентируетесь в мире через ощущения, которые изнутри нужно вывести наружу. В нашем театре не будет музыки. У вас будет только ритм, биение вашего сердца, звуки вашего дыхания. Что вы делаете? Вы мне показываете какую-то картину из журнала «Плейбой», так этот журнальчик для молодых импотентов, которые только что оторвались от соски и вылезли из подгузников. Настоящий секс – это не комплекс садистко-мазохистской любви, это любовь с катарсисом. Природа чувств у человека должна проходить через метаморфозы. Это ни словами нельзя сказать, ни пером описать. Нам известно одно, что в природе есть метаморфозы. Пчелы будут собирать мед. Муравьи – строить муравейники. Гусеница превратится в бабочку».

Режиссер считает, если претендент не сопереживает, и не умеет выплакаться, то в профессии актера или режиссера такому человеку делать нечего, это путь к духовному и физическому преступлению. Как в профессии врача без сопереживания к больному преступно, и если капитан корабля первый покидает тонущее судно, то он преступник.

Город насыщен эмоциями, но их не всем дано уметь увидеть, и выразить тем более каким – то художественным приемом, особенно в искусстве, где каждый жест что-нибудь да значит.

Двор – колодец. Лестница. Дверь. Звонок. На два коротких звонка дверь приоткрывается, и ослепительный свет проливается из прихожей. Длинный узкий коридор. Вешалка. Анфилада комнат. В дальней комнате слышен женский смех. Кухня – столовая. Два стола. Большой стол накрыт красной скатертью. Свечи. Четыре столовых прибора. Тарелки с красной каемочкой, возле каждой тарелки вилка, нож, кофейная чашка и рюмка для ликера.

Какой сейчас год? Какая деталь может подсказать время эпохи! Телефон? Или дизайн телевизора. Модель автомобиля.

Часто жизнь человека протекает без ощущения окружающего мира, и чаще находящегося одиноко среди безразличных и унылых людей. Но случаются метаморфозы и в жизни города, которые меняют, весь смыл существования.

«Городской пейзаж асфальта особенный, который во времени почти не меняется. За городом серый асфальт, особенный после дождя или снега, с едкой дорожной солью, или другой, пыльный летним днем, или с прилипшими опавшими желтыми листьями на осеннем гудроне дороги.

Обильный листопад в жаркое бабье лето сулит зимнюю стужу. Хотя сейчас и приметам верить трудно. Она призналась, наконец, в любви.

…Я никогда прежде не любила, я только хотела пошутить, дошутилась, а жизнь сыграла со мной такую штуку, как любовь.

Он крепко прижал ее к себе, переставая совсем понимать хоть что-нибудь в этом мире. Главное, она была рядом и больше никуда не уходила».

Человек счастлив с каждым разом переживания мига счастья.

10. Охлоплутократия – власть для народа.

Я познакомился с ярким литератором, когда он был начинающий издатель, а я начинающий писатель. Он пришел ко мне с моей рукописью на работу, которую ему передоверил редактор газеты. Издатель изложил, что три мои рассказа он уже включил в альманах «Фарватер». Это было в лихие и веселые девяностые годы, когда все вокруг нас проходило как в маскараде. Еще недавно по партийному все было серьезно. И вот, начали подшучивать над властью, даже шутить, без особой сатиры. Казалось, все театрально, и абсурдно, когда еще едешь в машине марки «Жигули», носишь малиновый пиджак, пользуешься кассетным видеомагнитофоном, который тут же в одночасье становится реликтом на фоне новых сотовых телефонов, и тебя обгоняют на новых марках автомашин, оттесняя к обочине дороги.

Мой приятель, вернувшись из Европы, показывает пальцем на бегущую толпу с баулами за спиной, и высказывает для меня странную мысль, на фоне кумачовых плакатов, что они еще не ведают, что бегут к пропасти. Может так оно и есть, произошло странное искривление во времени и пространстве, и мы потеряли правильный курс. В тоже время кто-то успел перестроиться, сменить пиджак, поменять мобильный телефон, пересесть на другой автомобиль и помчаться в другом направлении. А если ты еще ездишь на «копейке», так это твоя проблема. Мир изменился, и пошел по другому пути, по бездорожью. И экономический просчет ваучеризации Великой Перестройки многим дорого стоил. Это произошло, так буднично, как сезонная смена времени

года, как уходит лето в осень, а осень погружается в зиму, а там уже наступает весна. Приходит другое время года, наступают другие времена.

То, что происходит с нами, не осознается иногда, и сейчас, от этого немного грустно и смешно. Девяностые годы? Это что было, свобода или анархия? Общее у этих проявлений в девяностые годы были беспредельность и безответственность. Свободная торговля всеми ценностями. И из края в край беспредельное бесчинство. Всё по понятиям, и жизнь, и смерть. Бесчинства приняли причудливые формы свободы со страхом. И жизнь в таком случае заканчивалась не мудростью, а скукой и безразличием. А куда денешь вечный вопрос: «Зачем жил». У каждого был выбор, но не было цели, а когда замаячила цель жизни, то не стало иного выбора. И так дожили до миллениума.

И если есть оправдание цели, то нет оправданию выбору.

Это было как в шуточном рассказе «С боцманом не пропадешь!».

«На кухне давно не видавшей ремонта (тогда наступило время особой аварийности и ветхости жилья), сидели Сан Саныч и Боцман. На столе стояла бутылка с яркой наклейкой.

…Поднял голову, а оттуда ручеек льется, попробовал – настоящая сивуха. Вспомнил молодость, как на камбузе спирт разводили. Поднялся к соседям на верхнюю палубу – этажом выше, а у них горе: бутыль на плите от перегрева лопнула, бурда по кухне разлилась. Запах как в гальюне. Говорю этому соседу – кровопийцу с верхней палубы: гад, чем ты русский народ травишь? Он умоляет: молчи! И дал мне эту бутылку. Теперь он обязан платить, пока его заводишко будет на верхней палубе над моей головой работать…».

По закону жанра появился третий, а за ним четвертый персонаж. После третьей рюмки самогона пошла такая тема: про выборы в депутаты.

«Если бы я был депутат, я бы такое расписание положил. Утром, пока мозги в куче, подписывал бы разные документы для народа, чтобы всем весело было, давал бы указания. А к вечеру непременно банкет с осетриной да с хорошей столичной водкой! Пусть все лакают и жрут от пуза, сколько кому влезет! Ну и как во дворце у моста девки раздетые и мюзик-холлы разные чтобы всех ублажали!

После третьей рюмки любой язык понимаю без всякого словаря».

Выборы депутатов в муниципалитет или в мэры любят тишину. Голоса избирателей записаны в бюллетенях, которые, как тогда, так и теперь опускаются в урну, то есть в

избирательный стеклянный ящик. Где уже бесшумные голоса избирателей безмолвно лежат до закрытия выборных участков. Потом эти бюллетени, шуршащие бумажки, считают, пересчитывают, если надо и в третий раз пересчитают, составляют протокол, подписывают, и отправляют, без суеты и интереса, а именно в вышедальшестоящий избирком. Председатель центральной комиссии, как тогда, так и теперь уверенно рапортует, мол, выборы прошли открыто, честно, прозрачно, легитимно. Сам ход волеизлияния Всемирной Истории не пошатнулся ни вправо, ни влево.

Легитимно не наше слово, французское, которое использовали в девятнадцатом веке во Франции, выражая этим словом стремление восстановить власть короля без гильотины. Может оно нам и не подходит, но как то часто это слово проговаривается либералами.

У нас в муниципалитете особая демократия, в конце концов, об этом черно по белому написано в основном законе, у нас есть свобода выбора. Выбирать или не выбирать во власть соседа по лестничной площадке. Власть соответствует принятым или установленным в обществе правилам. Правила – это этикет. Этикет – это социальная норма. Имеем права спорить? Потому и спорим. У нас такая традиция, а у других – национальный обычай. Ничего личного, говорит каждый избиратель, хочет и говорит, что возжелает. Вся манера в ловкости рук, а не в движении ума. Это когда все сразу, и одним разом при остановке автобуса входят и заходят, не уступая ни кому места, потому что каждый считает, что он важнейший пассажир. Толчки локтей, колен ни в счет, ни на футбольном поле, тут за такое неформальное поведение красную карточку не покажут. Это наша норма поведения в общественном транспорте в час пик. Не говоря уже про выборы в депутаты. Для этого и верит человек, чтобы истина настала. Долго верит. Терпеливо верит. Открытая Истина не должна подвести Веру. Без веры нет человека. Ибо сказано, что «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом».

Причастие ожидаемого написано без согласования с существительным, не по правилам правописания, так не принято, а мы взяли и та прописали, ибо было сказано так, а не иначе. Теперь другая манера говорить и читать.

Венец борьбы за место депутата это подсчитанные голоса в бюллетенях, которые являются доказательством согласия в обществе, и положительного отношения власти к общественному мнению. Закончилась приватизация городов и деревень, которую прозвали более иронично «прихватизацией». Наконец, появились

богатые, а бедные всегда были, тут удивляться некому, уменьшилось количество философов, улучшилось качество игры актеров. Поэзия замерла. Проза задремала. Появилась всемирная сеть технических писателей, торговые лавки заломились от книг и глянцевых журналов. Как ни радоваться, в стране, в которой еще вчера отказывали печатать литераторов из-за дефицита бумаги, наконец, наступил книжный праздник. Только у людей исчезла потребность творчески читать, будто их лишили чувства юмора и внутренней философии.

Впечатления дня. Выпал снег после январско-февральского бесснежья. В суши – баре на Садовой улице. На стене написана китайская мудрость: «Под одной кровлей ночуют гейша и монах. Луна и клевер». За стойкой раскосые повара. Расспрашивают их о китайской философии. Они вслушиваются, но ничего не могут разъяснить о восточной мудрости целостного мира. И на блюдо суши они смотрят, как наш повар на картошку.

Тут вознаграждение в виде чаевых приветствуется, но это остается на ваше усмотрение.

Пока герои занимаются вопросами мирового и экономического направления. Кто-то придерживается западнической или славянофильской культуры, и все живут по понятиям. Никто не цитирует философов Чернышевского и Писарева кумиров 1860-х годов, или Лаврова и Михайловского 70-х годов, и сто лет спустя о них никто ни вспоминает, как и о марксистах 1890-х годов. Уже никто не поклоняется «народу» – крестьянству, пролетариату или интеллигенции. Так случилось, что философы сами по себе, а буржуазия сама по себе, по своим понятиям амнистия. Изгоняется с кафедр истина в погоне за должностью. Деньги становятся синонимом рациональности. Удача заменяет счастье любви.

Глава 2. Пути – дороги

1. Революция – эволюция или реэволюция.

Реэволюция, как инфекционная болезнь, прошла при скрытом периоде, незначительной ломкой, ощущением тревоги, оцепенения, которой никто не придал никакого значения. Инкубационный период всех болезней всегда короткий и незначительный. Образумились при переходном периоде из одной формации в другую, который ознаменовался радостным состоянием на фоне сменяющихся картин разрухи. Но реэволюция все-таки в узком смысле слова это не инфекционное заболевание, а неуправляемая стихия, которая нарушила все каноны общественного мироустройства. Эта реэволюция стала осиным колом в существующем общественном порядке.

«Медово-полынный месяц» реэволюции опьянил все общество. «Радикалы», «Умеренные», «Зеленые», «Красные», «Голубые» все палитра партий цветных радужных реэволюций, идущих друг за другом в одной колонне, а потом резво разбегающиеся по разным скверам.

И все – таки свершилась всемирно-историческая миссия, которая привела общество к непоправимым переменам. Есть особые имена, которые беззаветно пострадали на баррикадах революции, это «Новомученики» двадцать первого века.

Для Запада перестройка в России это дорога в беспутную свободу, для Востока – это поход в бескрайнюю свободу. Для нас эта реэволюция развернулась в границах разумной Святой Руси.

Парадоксы свободы реэволюции проявлялись в городских закоулках, броских реклам кокеток, и в обрывках кумачовых плакатов «Наша цель комм…» на сто первом километре от города, с одним желанием, как можно больше откусить от сладкого пирога приватизации, да рядом пристроить офис в двадцать один этаж. Реэволюция это когда богатый, хочет быть богаче, и бедный становится еще беднее, и когда они равны перед законом только тем, что одинаково оплачивают подоходный налог в тринадцать процентов. Это когда у богатого, это еще не роскошь, а средство передвижения, а у бедного, это еще не бедность, а пособие на «черный» день. Например, на тот день, который случится, или в понедельник, или в четверг, одним словом грянет, как гром, дефолт. Долго не проживешь себе на уме, или на то, что у тебя в кармане. Пора знать не по учебникам, что инфляция и дефолт – это и есть самая настоящая реэволюция.

2. Оголтелые дни.

Каждая реэволюция обновляется миленькими личиками, которые называют себя просто Красавицами, которые появляются, как бабочки весной. Тонконогие веселые девушки – золушки, явившиеся из захолустья в большой город, или уже живущие здесь в третьем поколении, наскоро общипанные эпилятором, и обкусанные по щиколотку рыбками, составляют прелестное окружение братков. Начались оголтелые дни и ночи. Все затанцевали и заголосили на всю околицу. Так было и в прошлом веке во времена НЭПа (новой экономической политики) также откуда неизвестно появлялись «небожительницы» в роскошных шубах, жующих шоколад и запивающих шампанским. Наши красавицы не прятались в горжетки, а обнажали свои шелковистые поджаренные тела на нудийских пляжах. Подобных недоступных дам встречал поэт, и от них бежал, читая над их общипанными бровями, надпись ада, оставив им деньги навсегда.

Это были годы для всех красавиц в шоколаде, да еще в золотой фольге. Я хочу, спросить юную милую студентку кем она хочет стать в профессии, чтобы легко шагать по жизни, ответ простой и непритязательный, хочу быть просто Красавицей. И действительно она красавица, у экзаменатора к ней вопросов нет, и какая разница, какая оценка в дипломе, если она действительно красивая женщина. И выглядит дорого.

Чудовище вглядывается в женский призрак и спрашивает: «Ты кто?» Она отвечает: «Я твоя свобода! Ты знаешь, что такое свобода?». Он отвечает, что для него свобода – это анархия. Красавица участливо подмигивает, и вторит ему пискляво, что свобода – это еще и беспорядок, и безответственность своего маленького «я», то есть ничего святого. Простого проще рассуждения о любви, и ее возможностях, и не бывает. Как высоко сказано!

Всем красавицам хочется остаться «барби» навсегда, но им в спину дышит следующее поколение красавиц, которое еще прожорливее, чем моль.

Как в сказке, Красавица не боится Чудовищ. Она сама почти чудовище. Ночное казино. Рестораны. Утренний рассвет под наркотиками. Беспричинный смех. И снова в кустах шепчет Красавица: «Я замираю от любви, и нетерпения увидеть тебя, мое Чудовище, и вновь к тебе прижаться всем своим существом, которое растворено в коктейле страсти и тоски». На ее тоненькой руке «феничка», браслет дружбы, которая рвется в нитки белые, теряя невинность, красные, забывая о вечной любви, и желтые, отражающие сумасшедшую любовь. Свобода без обязательств, без

ревности, будто создана для разнообразия жизни.

Слышится сквозь стены диалог телесериала «Он Она и Интернет».

– Ветер свободы это?

– Это безграничность силы стихии внутри себя.

– Мои глаза тебе улыбаются.

– Да это я почувствовал. Проснулся, и стал тебя искать глазами.

– Я была тут рядом с тобой, нежно обнимала тебя своими руками во сне.

– И я верю, что среди этих снов, ты была со мною.

Потом проходит день в свободе пустоты. Глубокие размышления о смысле следующего дня. Встречи, презентации, за рабочим столом, потом путь домой, в выходные дни по проселочной разбитой дороге на дачу. О каких бы высоких материях мы не говорили, но домашний уют начинается с чайника, кастрюли и сковороды, как флирт начинается с цветов и улыбок. В треугольнике любви женщина женщине, может быть и простит, но мужчина мужчине никогда. Путь одиноких и гордых нелегок. Скупится человек, когда копит. И не надо спешить туда, где тебя не ждут. И суета опустошает дух и расслабляет тело.

3. Музы никогда не молчат.

Художественно-театральные сезоны. Без бенефиса. Многие решили, что наступил звездный час. И нужно всего-то только зазвездиться. Где? Не важно!

Вопрос вопросов, а какой общественный идеал. И самое интересное, что его никто и не искал, а наоборот, каждый старался, как бы ни наткнуться в темноте дня, потому что идеал может стать большим препятствием в жизни людей. Мелкобуржуазное чувство самоутверждения личности, прежде всего в создании мелкого, а потом крупного капитала. И этот путь от мелкого мошенничества до жульничества в особо крупных размерах в такие периоды один шаг. Общественный идеал вдруг растворился в воздухе до пожизненного срока.

На премьере фильма «Суходола» по повести Ивана Бунина в кинотеатре в один из ноябрьских дней собралась молодежь театральных вузов, нервная, возбужденная, как фанаты футбольного клуба.

Фильм поставлен молодым режиссером с надрывом и тревогой. Из-за режиссерского решения фильм воспринимается нелегко, и не Россия перед тобой, а какая-то средневековая Русь

залитая дождем и беспросветной тоской. И в нем нет отражения никакого коллективного идеала. Фильм наполняется экзистенциализмом человеческих переживаний находящихся в зрительном зале.

В том сезоне школьный режиссер представил работу по поэзии «Серебряного века» со школьниками. Они играют брюнеток и блондинок с флиртом, страстью, подростковыми зажимами телодвижений двадцать первого века. У шестнадцатилетних ребят еще движения тела не сцеплены с эмоциями, а эмоции со словами, но через молодость накатывает дуновение весны, которая прорывается сквозь пошлость настоящего времени. И спектакль получился, потому что их природный русский язык соединился с летящим вольным звуком и эмоцией.

После спектакля. Поздравления от родителей детям, и, конечно, режиссеру, как домашнему репетитору, за восхождение их чад на пьедестал славы, а в действительности за вхождение во взрослую жизнь. В молодые годы дано уметь трудиться. Главное не упускать время. Если не найден идеал, то ищите правильного режиссера.

Человек без веры и знаний зверь. Человек без веры глухой, слепой и жестокосердный.

Искусство продвигает теперь не меценатство, а фирмы. Из сообщения прессы чаще пишется, что литературный, музыкальный и артистический свет города собрался, и почтил память юбиляра, где дан фуршет за счет фармацевтической фирмы.

Другой Режиссер смело дебютировал документальным фильмом «Лосев». Черно-белое кино. Дом с глухим двором. На карнизах дома голуби. В комнате пребывает философ Алексей Федорович Лосев автор многостраничного труда «Музыка как предмет логики», где он трактует музыку как форму хаоса. Хаос это игра атомов, который создает высшую форму самоорганизации. Философу девяносто лет, и Бог оставляет его на земле, и его мудрость не утрачивается возрастным склерозом мозга. Он продолжает мыслить: «Я живу, страдаю, это что судьба. Почему? Смерть – это не факт забвения. Когда мир неделим или един, и есть, как благо. Революция, как и война, подавляет личность. Любовь дает развитие личности».

Тогда Режиссер понял, чтобы состояться именно, как художник, нужно уметь сопереживать, плакать, и если этого не проявляется у претендента, то в искусстве такому художнику делать нечего, тем более в режиссерской работе. На вопрос, что важнее для работы режиссера, он отвечал одназначно, что

режиссер, как и художник, должен уметь соединить несоединимое в целое.

4. Прикоснуться к вечному.

Искусство для искусства, или наука для науки, порождает подвижничество. Маргиналы и экстрасенсы понятны тем, которые видят ауру друг над другом. Но есть и свобода выбора судьбы. Есть люди, которые любят музыку или, наоборот, не любят музыку, но все одинаково отдают предпочтение чайной церемонии под музыку.

Есть особый род музыкантов – это пианисты. Триста лет назад музыкальный мастер Бартоломео Кристофори в течение десяти лет изобретал молоточковый механизм с извлечением звуков тихо и громко при туше на клавишах клавесина. И у него получилось! Он расширил возможности музыкального звучания фортепиано. Потом появился особый музыкальный инструмент рояль, король музыкальных инструментов в филармонии.

Пианисты всего мира – это, прежде всего, граждане безвизового режима. Для них всегда готов рояль в кустах. Маститый Маэстро с тридцати пяти лет в эмиграции последней волны, возвращается вновь и вновь в Россию, это его профессиональный маршрут, жить там, а играть тут, и он снова удивляет восторженную публику игрой вальсов Шопена. Мог бы играть здесь, но не получается, хотя и там, его тоже не очень принимают за своего кумира. У пианистов нет пророков ни в своем, ни в другом отечестве. За роялем играет утомленный музыкант. Есть увековеченный в памятнике усталый Тургенев от эмиграции и неразделенной любви в сквере на Итальянской улице. Что-то в этом есть общее, они соединяют невозвращенцев прошлого и нынешнего века, которые одни там, а другие еще здесь.

Узкий круг слушателей аплодирует в Филармонии музыке Шопена и исполнителю. Все пианисты идут за кулисы поздравить маэстро с блестящим концертом. Ученик, прослушав сонату си – бемоль минор Шопена, восклицает: «Неужели, мне все это надо выучить?» Выучить и воспроизвести! На это уходит вся жизнь музыканта. Музыкальный звук в руках пианиста, который длится, как мгновение, должен восприниматься слушателями, как вечность, в этом талант музыканта. Вечность рассыпается в мгновениях.

В Филармонии звучит музыка от До Мажор до Фа Минор как разговор вечности с мгновением жизни. Внутренние чувственное

сопереживание дает новое развитие способностей личности.

Гениальный пианист Сергей Рахманинов по молодости часто рефлексировал и впадал в апатию. В 1900 году у него наступил приступ хандры, и доктор Даль приступил к гипнозу с формулировкой: «Вы начнете писать концерт. Вы будете работать с полной легкостью. Концерт получится прекрасный». И в благодарность этот второй концерт он посвятил доктору Далю. В последующие два года Сергей Рахманинов завершил сочинения «Сонату для виолончели», кантату «Весна» и двенадцать романсов. Что это было вдохновение, или гипноз.

5. Лицедеи нового века.

В театральном цеху лицедеев учебного театра «На Моховой» в годы миллениума обнаружилась талантливая молодежь, которая под руководством мэтров профессоров академии ставили спектакли в новом прочтении.

Я встретил Мэтра идущего по улице Моховой в марте в синем пальто и с красным шарфом. Он никогда не подражал человеческим типам Достоевского, Чехова, Горького. И всегда умело прочитывал забытую пьесу, как новую. Потом профессор представил на суд публики в небольшом учебном зале по пьесе Шнайдера «Малярия» фарс – спектакль. Наше время, западная страна, переживающая депрессию, как в экономике, так и в психологии одного народа – западных и восточных немцев, братьев по крови, но разных по идеологическим убеждениям. Место действия. Берлин, центральный район. Строительная и лестничная площадки. Где живут искренние непорочные молодые люди. И поэтому понятен язык эмоций, даже когда любовь без проявления Бога. Только малярия не оставляет надолго иммунитета, как и память человека не вакцинируется от напасти, и может снова повториться бесчеловечная история, только на примере другой страны. Театр не учит, а напоминает уроки истории.

Меня удивило прочтение Михаила Зощенко «12 раз луна сверкала» в постановке другого Маэстро, я находился в бессознательном сочувствии к писателю, который говорил, что вас не от той болезни лечат, и в игре спектакля хотелось угадать талант каждого студента.

В те годы класс третьего Преподавателя поставил две версии водевиля «Кто брат, кто сестра или обман за обманом», где играют куклы – актеры и тени, создав иллюзию, что весь мир театр, а люди актеры – куклы, это было своевременно. Были

люди, были куклы, были кукловоды. Было кривое зеркало.

Талант режиссера – педагога раскрыть талант актера. Пройдет десять лет, а я так и не нашел их имен на театральных афишах города. Может быть, они играли не то, или не так. Не факт!

Открыт театральный сезон охоты на Антона Чехова. В каждом театре всей страны идет свой прогон чеховского спектакля «Три сестры», в мизансценах используется даже образ «поцелуя» как модель человека. Это надо видеть и слышать, когда поцелуй становится как миг, так и не переросший в страсть у Маши, или поцелуй у Ольги, потерянный и отчаявшийся, или поцелуй Ирины, который хочется принять за чувство, которого у нее нет. Мужской поцелуй воспринимается, как, поминальное, прощай. Поцелуй – это жест? Или режиссерская вольность, или хулиганство, но это искусство, а именно, искусство ради искусства, чтобы показать поцелуй, как жест человеческой натуры.

Дом есть, а счастья нет, да и несчастье счастью не помогает. Сиротская доля в любви непредсказуема. И опять это только игра. Спектакль прежний, а театр другой.

Или другая история на театральной сцене. Вестсайдская история любви и смерти по идее Роббинсона и музыкальном ритме Бернстайма, хореография которых перенесена на нашу сцену, а это другое восприятие жизни, любви и смерти в современной версии Ромео и Джульетты. Изломанные линии танца, ломающие позвонки танцовщиков, не вызывает эмоций, как в цирке, у зрителей. Яркий свет, резкий звук, и не останавливающийся темп танца толпы, которая затаптывает любовь и нежность влюбленных, как цветы, брошенные на тротуар пыльного проспекта большого города.

Хореографию танца спасает актер через боль позвоночника от провала мизансцен других героев-исполнителей. Действо толпы маргиналов, и есть первый план составной, и существенной части спектакля. Цветы Ромео и Джульетте, актерам андеграунда аплодисменты.

Реэволюция не коснулась никоим образом маргиналов, они ушли еще глубже в подполье подземки. И у кошек порой не бывает никаких привязанностей. Наибольшее стремление в жизни к тому, чтобы получилось, а не случилось. Живут же люди!

6. Изломы реэволюции и перестройки.

Так случилось, по странным обстоятельствам девятого

декабря девяносто пятого года произошла автомобильная авария на Невском проспекте, погиб Виталий Савицкий депутат Государственной Думы. Он был активным общественным деятелем по религиозным делам на тот момент истории. Он был истинным политиком, который отказался от собственного блага ради других. Он пришел изменить мир. Православный. Интеллектуал, ученый, эрудит. Ввязался в идейную борьбу за возрождение духовных основ общества. За свободу совести и вероисповедания. За короткую жизнь он прошел все уровни духовного развития личности.

За него просит милостыню Сергей Дмитриевич.

«Он новомученик двадцать первого века, уж поверьте мне, я его знал, он и церковь возродил в больнице, прошло двадцать пять лет, а это многого стоит. И упокоен он в Александро-Невской лавре, вы помолитесь за него от меня, говорите, что не знаете его, а меня знаете, и видите, я инвалид с детства, мое место в инвалидной коляске, а я за него молюсь, прекрасный был человек», – с такими словами отец Сергей провожает меня до порога своего дома.

На Никольском кладбище в июне идет дождь, потом выглянуло солнце из-за туч. Тихо. Замерло тишиной. Пруд. Кресты и памятники кому по чину, кому по заслугам, кому по мирской славе. В Церквушке батюшка проводит молебен. Стоят послушники в молитве. Для кого есть вера, для того есть и Бог.

Полыхнула Святая Русь войнами, разрухой, дефолтами, монетизацией, приватизацией, катастрофами и терактами. Но вот Русь встает с колен. Помолилась, перекрестилась, и встает.

Жизнь меняется. И всем, кажется, что Интернет вот-вот приблизит каждого к всемирному взаимопониманию, и наступит мир во всем мире. Только голуби Мира в Интернет не залетают.

Троицкий собор в ремонте. Голуби. Люди заходят в церковь, ставя свечки в пожертвование. И молитвой пытаются сохранить мир. Когда ценят жизнь, тогда появляются герои. Если цели в жизни нет, то и героев нет. Кто есть от Бога? Каждый!

В девяносто пятом году в декабре не стало литератора Василия Троегубова, трагически оборвалась его жизнь на Литейном проспекте. Он шел по улице и…

Потом вышел пятый номер альманаха «Фарватер», где был некролог по Василию Ивановичу. Там была опубликована его повесть, где герой заканчивает счеты с жизнью самоубийством, который попал сначала под сокращение штатов в конструкторском бюро, потом получал пособие по безработице, далее искал работу, и стал пьянствовать. В жизни Василий Иванович был оптимистичнее своих литературных героев. Легко

декламировал стихи из отечественных поэтов Есенина, Маяковского и Твардовского. Свое писательство не афишировал, подписываясь псевдонимом Иваном Клюжевым. Маринисты простились с поэтом – капитаном, со словами по названию его повести «Пусть тебе снятся корабли».

Писатель – маринист по писательскому цеху высказал простые слова, как будет теперь его не хватать этому городу, где каналов, рек и речек больше, чем магистральных проспектов, и где в водницкой форме прошла почти вся его жизнь: на причалах и теплоходах и в институте водном! В дни рыночного беспредела он осуществил издание литературного альманаха «Фарватер», и он остается одним из ярких подвижников двадцать первого века!

7. Писатель читателю.

В реэволюцию оживилась книгоиздательская деятельность среди лиц, не имеющих никакого интереса кроме наживы. Технические писатели наводнили книжный рынок литературой эротического содержания с переложением древних мифов на современный лад. Эротическое искусство быстро исчерпалась своей бесплодностью мифов.

Литературный успех стал измеряться не столько потраченным временем на создание шедевра, сколько финансовыми доходами от продажи макулатуры.

Музыкант развивает слух, художник раскрывает зрение, ученый будит мысли в человеке. Литератор призван раскрывать изнутри человека, и пробуждать к душевным порывам в поисках человеческого счастья.

Если яблоня не дает плод, то ее распиливают на дрова. Писатель не властен над вчера или завтра, он владеет умами в настоящем времени.

Запомни. Литература афористична в напутствии. Писательский труд – это кабала жизни. Один автор достигает успеха трудом, другой – удачей. Подтасовка не дает счастья. Перемены счастья приносят остроту в жизни. Усердие не по разуму приносит вред. Краткость – душа остроумия. Как ни странно звучит, но друзья Интернета – это похитители времени. Богатому не спится – он хвори боится. Болезни – это проценты за полученные удовольствия. Хуже всех бед, когда денег нет. Никогда не читай книгу, которой не исполнилось более одного года после выхода в свет. Величайший итог жизни это знания, и благородные дела.

Когда писатель приходит в библиотеку на читательскую

конференцию, то в конце встречи библиотекарь уже твердо знает, на какой полке будет пылиться книга данного автора. Как напутствовать молодого поэта, который может разделить участь многих неизвестных писателей. Музы поэтов опять в нервном срыве, потому что все лучшие мысли о них остаются только на бумаге в архиве.

Если оказался в зоне повышенной опасности на дороге, то стой и жди до полного спокойствия, а потом совершай маневр. Раз случайность, два случайность и… Только в критическую ситуацию никто не думает наперед. Остановись мгновение. Читателю в наш век не нужна рефлексия девятнадцатого века. Мало кто ходит в библиотеку, где пахнут книги плесенью и пылью, скорее пользователь компьютера забредет в Интернет библиотеку.

Каждый обыватель считает, что очень просто описать событие из своей жизни. Рождение единственный акт в жизни человека, за который он не отвечает. Дальше запрет преодолевается авторской фантазией. Кто ты есть человек на белом свете, поднявшийся над историей жизни, где смерть времени уже внутри жизни.

Общество решает проблемы человека, как «героя нашего времени», или «героя, которому горе от ума», превращая в изгоя, или лишнего человека, если пытается соучаствовать в реэволюции вечности и бессмертия, печали и радости, молодости и тленности.

Это как запретить ещё раз читать «Красное и черное» Стендаля, «Декамерон» Боккаччо, «Доктор Живаго» Пастернака, «На западном фронте без перемен» Ремарка и других… Мера ответственности соответствует мере любви и свободы.

8. Лицензия на ученость.

Наука призвана учить, не обучать какому-нибудь ремеслу, а именно дать новые знания, умения и навыки. Наука пытается создать универсальную теорию «Всего», чтобы объяснить весь мир от атома до черной дыры Вселенной. Только от религии никогда не ждут осмысления об окружающем мире, а ищут в ней скорее утешение от науки.

Так, как нам быть с наукой в период реэволюции. Перестройка науки определяется тезисом шаг вперед, два назад. Да, хотят смены парадигм, но при сохранении кафедр и штатного расписания. Ломать, не строить. А что делать с тезисами написанными пять лет назад, научными статьями, монографиями, где только, что отстаивали перед Ученым советом совокупность

новизны и решения поставленных задач. Где хоть и коэффициент полезного действия прежний – шажок вперед, и отскок в сторону, и вот последний путь диссертация с научной новизной отправляется в архив на покой.

Ученый на французском языке означает эрудит, в нашей версии это творческий деятель, который умеет работать с научной литературой, писать тезисы в сборники, статьи в специализированные журналы, иногда монографии. Умеет эрудированно компилировать источники литературы. С соискателем работает научный руководитель, как технический ученый или писатель, который готовит совместный труд для ученой степени. Не будем говорить о грустном, а именно, о человеческих слабостях.

Вхождение в науку. Вот это да! Это первые листы исписанные автором, перечеркнутые руководителем, раскритикованные оппонентами. Тонны балласта отбрасываются на отвалы научных терриконик при оформлении формы диссертации, а, отнюдь, не содержания. Несколько слов будет сказано о диссертанте на фуршете, как об очередном соискателе, который достоин искомой ученой степени с возможным в дальнейшем кадровым ростом. И узаконенное научное звание эрудита, то есть думающего человека в широком смысле слова. Еще сделан шаг в сторону науки для науки, а не ради карьеры. Очень в это верится!

И потом в последний путь, где даже надпись «оставь надежду навсегда» не останавливает претендентов. В суете черных Оппонентов происходит продолжение таинства посвящения в научный сан. Драгоценные диссертации развозят по комиссиям, как дрова, на скрипучей тележке. Часами, неделями, месяцами труды ученых философов в длинном ряду дожидаются своего вердикта от чиновничьей аттестационной комиссии.

В тихой канцелярии делается последний оттиск печати с резолюцией для соискателя, который в одночасье из эрудита становится большим пребольшим ученым. В высших инстанциях науки не бывает реэволюции. Сейчас спросить не у кого, сколько бы лет пришлось ожидать почетного звания и печати на гербовой бумаге, например, бедным философам Аристотелю или Платону. Замечательно, что черновики рукописей не тлеют. Если и происходит замалчивание новых идей, то больше по невежеству некоторых кафедральных работников, которые очень часто восклицают «не может быть?!», что это труд под силу только целому институту.

Злую шутку сыграла судьба с Дмитрием Менделеевым, который баллотировался в Императорскую Академию, где из восемнадцати академиков, только восемь отдали свой голос, но

которые не стали решающими. Это был удар по самолюбию дерзкого и гениального ученого. Он вынужден был оставить кафедру. Последнюю лекцию он читал перед студентами университета при сопровождении жандармов во избежании бунта. Но из истории науки оппонентам было не дано вычеркнуть имя Менделеева. Он в 1905 году заметил: «Всего более четыре предмета составили моё имя, периодический закон, исследование упругости газов, понимание растворов как ассоциации, и учебник «Основы химии». Тут мое богатство». И более великое его открытие, которое не до конца оценена потомками, это химическая карта нашей Вселенной.

И при всем притом, что не может быть?! и все – таки, в двадцать первом веке рождается «теория всего», где сосуществуют явления электричества, магнетизма, оптики, объединенные в теорию квантовой механики, не отрицая Декарта, Ньютона и Максвелла. Произошла новая революция парадигм в науке.

Известный пример, как французские энциклопедисты восемнадцатого века изменили христианскую мораль и уничтожили королевскую власть. Революция в науке повлекла Великую Французскую революцию, которая смела со своего пути абсолютную монаршую власть и крепость – тюрьму Бастилию.

Это как смена римских цифр: 1, 11, 111, на замысловатые арабские цифры 1, 2, 3. И конечно нуль. Без обнуления нет прогресса, и дорога приводит в тупик. И потом в теореме о нулях Гильберг, еще раз докажет, что зануление это идеал, а не только состояние покоя. Не было бы смен парадигм, то и не было современной информационной системы: компьютеров, Интернета. И всеобщего понятия, что мир бесконечен. Смена парадигм зависит от личностей в истории. Несвоевременное решение проблем новых парадигм приводят общество к катастрофе.

И в реэволюции меняются цивилизации.

Как в природе родившийся олененок, став на ноги, всю жизнь проводит на ногах из-за опасности со стороны хищников. И жизнь на земле может исчезнуть тогда, когда погибнут все птицы. Звери поедают зверей. Птицы не поедают птиц. Хотите сохранить жизнь на земле – берегите птиц. Революции проходят, гибнут люди, а птицы остаются на земле.

Нужно учиться на своих ошибках – это позиция сильного человека, Учиться на чужих ошибках, ближе к позиции премудрого человека.

Первому космонавту при приземлении вручили яблоко, символ мудрости, и олимпийский венок смелости.

Так случилось, что в реэволюцию пришло новое мировоззрение, которое эгоцентрично, эклектично,

неконструктивно, но именно такой подход сменит постмодерн, и даст путь в будущее, используя, принцип из принципов измени, заимствуй, модернизируй мир. Мир стал наполняться полистилистикой и неразберихой, на то она и реэволюция. Смена парадигм это не эволюция наук, а поиск истины. Смена парадигм в научной среде встречается оппонентами, как бунт, который хуже всякого инакомыслия.

В двадцатом веке доминирующая материалистическая диалектика вследствие огульной критики отвергла позитивизм, как неверное направление. Но как быть, если все-таки мир сам по себе, а человек в нем пребывает. В то же время человек целеустремлен в прогресс. Позитивисты это не мечтатели, которые воплощают в жизнь большую мечту, они, прежде всего философы факта.

Иногда жизнь похожа на сон, чтобы ее запечатлеть нужно, проснуться и записать на память, это и есть мост через пропасть, который спасает от страха высоты и неуверенности. Говорят, что человек, и во сне обменивается мыслями с другими спящими, без передачи ощущений. Сны не передают знания, они фиксируют реальность настоящего бытия. И только болевая система человека снова создает поток нового смысла жизни.

Для этого надо сделать шаг вперед, и еще два шага вперед, и ни шага назад.

9. И исчезнет время и во многих охладеет любовь.

Время это Бог, который дает и забирает жизнь. И время объективная реальность, которая связывает всех в пространстве. И время движется дробно, прерывисто и наступательно, от атомов, молекул до звездных галактик. Человек отмеривает время через часы. И при попытке отнять понятие часового времени, то у многих сразу исчезает смысл жизни. Часы устанавливают смысл человеческого бытия. Наука привязана ко времени абсолютно, а искусство относительно.

Есть и другое видение мира будущего через сюрреализм свободы, сна и реальности. Перцепция мира осуществляется через зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые и другие чувства. В современном мире экспертами по обонятельным и вкусовым ощущениям стали парфюмеры и повара. Нас соединяет информационный язык через мышление. В обиходе это может быть реклама и лозунг.

Во власти функционеры позиционируются либерально-демократическими ценностями постсоциалистического периода.

Приватизация для них не более, как технология отъема общественной собственности, и перевода ее в частную собственность. Приватизация, как волна прокатилась в девяностые годы по всему миру, в отдельно взятых странах раньше, в других чуть позже, и там еще изощреннее.

Зародился особый наемный класс пролетариата – гастрабайтеров, гостевых работников, которым терять нечего, даже родины, которой у них нет. Класс гастрабайтеров – это вежливый могильщик ипотечной власти. Нынешнее демократичное общество – это общество, с ограниченной ответственностью давно живущее в кредит, теперь еще и по ипотеке. У данного общества живущего в долг не может зародиться национальная идея сохранения государственности. Духовность произрастает не из принципов, а из идеалов. Как голод разрушает тело, так гордыня губит душу. В связи с тем, что человеческие ценности вечные, то насильственный разрыв между поколениями приводит к безнравственности в обществе.

Перестройка потерпела фиаско. Бедные стали беднее, богатые – богаче.

Белый город в белой ночи белого тумана. Где-то на дне моря-озера лежит непокоренный город Китеж.

Другой город на Неве бурлит в таинственном маскараде фейерверков.

Есть такой прогноз погоды, если в Петербурге дождь, то в Москве непременно будет солнце, или если в Москве дождь, то в Петербурге прибудет солнце.

10. По волнам нашей памяти.

В восьмидесятых годах по странам прокатилась волна ремейков Истсайдских историй любви по шекспировским мотивам «Ромео и Джульетты». Межнациональные браки были в моде во всем мире на волне сексуальной революции. Тогда народилось эмоциональное и интеллектуально одаренное поколение, которое в экстазе эмансипации смешались с практичными людьми.

Потом вместо гаврошей на улицах революции появились свои герои реэволюции – хакеры в интернете. «Чайл – фри» – это понятие означает не свободу, а легкий ветер. Поколение «икс» сменило поколение «игрек». Это поколение «игрек» – поколение потребителей. Они поглощают без остатка каждый свой гамбургер удовольствия. Эти хакеры по настоящему ведут игры войн по лабиринтам компьютера. На смену им приходит другое

поколение «джи», считая неуспешными поколения «икс» и «игрек», которые так и не составили целостного уравнения истины мира. В одном пространстве мир людей разложился на три поколения «икс», «игрек» и «джи», так и они остаются неизвестными величинами на шахматной карте истории. Одни становятся почетными гражданами, другие вежливыми людьми, третьи прибывают поколением граждан с полной свободой времени.

Девиз «Молодым пути-дороги» стал теперь лозунгом, как старикам оплаченный вексель на покой, который им только снится. Вечный вопрос – зачем. И ответ чисто чеховский, еще немного и узнаем, зачем живем – зачем страдаем. На что смеем надеяться?

Жить по религии или морали. Если человек не Бог, зачем он познает всю жизнь самого себя. Если время Бог, то человек только его проводник. Ибо род человеческий не прерывается, а прекращается только человеческая сущность жизни.

Порой дети меняют прямо или косвенно судьбу своих родителей. Другие прерывают нить своей родословной. У Гёте имевшего пять детей, через пятьдесят лет прервалась наследственная хромосомная нить жизни, так как не осталось прямых наследников. Но мудрость Гёте в его книгах пережила генетическую связь с будущим еще на сто пятьдесят лет. Вот и смысл, кто кого переживет, слава или продолжение рода.

В нулевые годы на помойку понесли мебель двадцатилетней давности. Дети выросли. Потом наступил двадцать первый век. Пришел на смену другой стиль, другие драпировки мебели, оригинальные пластиковые окна и пуленепробиваемые двери. Другой класс автомобилей. Стал другой кластер жизни. Другое качество жизни. Особенная еда с пищевыми добавками «Е». Вечеринки. Диско клуб. Встречи и расставания. Головная боль и тошнота. И большая депрессия от нелюбви к себе. Победитель тот, кто много заработал на рекламе кроссовок. Один на сто других претендентов, которые на подобной рекламе не заработали ничего. Реклама голодных игр построены не на свободе, а на восприятии легкости бытия. Реклама платья это не реклама белья, а реклама свободы тела. И, в конце концов, как утиль, продается тело вместе с душой. Дьявол правит капиталом. Если не справился с эмоциями сейчас, то прощай свобода. Пошла игра на выживание, где существуют только герои, и красота, и долговечность не синонимы.

И все – таки нет необходимости заполнять собственную пустоту другими, и хуже всего быть с ненужными людьми, и еще труднее жить в пустоте.

Глава 3. Места не столь отдаленные

1. И уединение и тишина…

По извилистой дороге всё дальше отъезжая от города окунаешься в тишину загородного пейзажа. За кольцом автострад дороги сетью паутины стелятся между холмами и лесами, реками и озерами. Дома, коттеджи и малоэтажные панельные бараки иногда оживляют или удручают путешественников на сто первом километре.

Тишина. Лес сосен и берез. Чистый воздух. Огромное небо. Заброшенный хутор. Разобранный дом до фундамента. Нет обитателей дома. Старые яблони осенью гнутся от созревших яблок. В заросшем кустарнике стоят деревья с раскидистыми ветвями калины и боярышника. В тишине слышен гул машин с дальнего шоссе.

Дачники едут на отдых в выходные дни. Закуски. Шашлык. Дым костра. Застольные песни.

В деревне унылое мычание коров. Забытые жители. Стадо из пяти коз. Неторопливый разговор соседей. Вечерний желтый свет лампочки у дома.

Вечереет, загородом тихо, и затемно. И плывет на небосклоне луна. И луна одна – на всех людей земли одна.

Сто первый километр. Это когда сигнал сотового телефона теряется, и батарейки садятся. Цивилизация города исчезает с его удобствами и шаговой доступностью ближайшего магазина. Оторванность, как безвозвратность. Колодец. Вкус родниковой воды. Трава под ногами вместо асфальта. Запахи цветов в скошенной траве. Зазвонил вдруг телефон. В мгновение исчезает уединение, и снова окунаешься в городскую суету. Сто первый километр просто не отпускает. Вдруг разряжается аккумулятор. Еще несколько часов счастливого отдыха в уединении.

2. На четырех ветрах.

Сто первый километр. Может быть не только хутор, садоводство, дачное хозяйство или поселок. Это может быть и город.

В отрогах гор на отшибе, затерялся сибирский городок. Не как сто лет назад с тремя тысячами душ, а с полумиллионным населением. Ключевая точка города вокзал.

Достопримечательностью города считается металлургический завод, который пыхтит копотью, и в туманное утро смог нависает над городом, где терриконики шахтных отвалов, египетскими пирамидами, кольцом окружают город, который раскинут на рукавах бурной реки Томи.

От вокзала три луча-проспекта рассекают обеспложенную землю. Первая пыльная дорога ведет к заводу, вторая, выметенная, – к театру и тополиному парку, и третья, безмолвная, – к городской больнице.

При вокзале находится ресторан и базар. Эта сторона города живет в самодовольстве до полуночи.

С полуночи начинает буйствовать и пьянствовать вокзальная улица. Пыльная в солнечный день, и грязная в дождливый вечер, и снова сонная и тихая. Старые бараки вросли в землю. По другую сторону дома, в котором живут шинкари и барыги, находится таксопарк, мясокомбинат и холодильник-комбинат. Завокзальная дорога в одну сторону ведет к кладбищу, а в другую сторону – к тюрьме. В ранний погожий день слышится лагерный гудок в колонии и перезвон колоколов деревянной церквушки.

От вокзальной площади к завокзальной улице был перекинут железобетонный мост. Историческими памятниками на правом берегу стоят полуразрушенная крепость и церковь, перестроенная под хлебокомбинат.

Это не Рио-де-Жанейро, а таежный город на сто первом километре. Пройдет еще сто лет. Этот город все равно останется сто первым километром. Там был барак, построенный еще до войны, первыми комсомольцами добровольцами, так и остался на отшибе города. Из года в год городские власти грозились снести, стереть с лица земли этот барачный притон. Но все ограничивалось штрафами или, наконец, выселением непристойных людей в более отдаленные места. Исчез этот барак с запахом тухлой картошки, капусты и пеленок, по странным обстоятельствам из-за замыкания старой электропроводки вспыхнул пожар, и барак выгорел дотла. С пустыря слышится, как поезда медленно набирают скорость, и колеса вагонов с перезвоном катятся по рельсам.

Сто пятьдесят лет назад в этом городе К. затерявшемся в отрогах Кузнецкого Алатау случилось значительное событие, которое определило будущее Федора Достоевского. В Одигитриевской церкви венчались Федор Достоевский и Мария Исаева. За шесть тысяч километров от Петербурга произошло событие всемирного масштаба, от которого вновь возродился творческий гений величайшего писателя Достоевского. В штрихах повести или романа отразится этот кусочек земли, и

эмоциональные переживания первой любви и страсти, и потом будут в дальнейшем появляться с другими литературными событиями в другое время, и в других местах. Достоевский в 1857 году с семьей отправился отсюда в путь по зимней дороге в Семипалатинск, а оттуда в Петербург, увозя с собой раскрытую им тайну любви и всепрощения. На месте Одигитриевской венчальной церкви в прошлом веке потомки построили тюрьму. И слух есть такой, что сам Раскольников ходит по ночным коридорам, а не надзиратель. Гремят засовы железных дверей. И много других душ осталось там, так и неприкаянными, из-за поругания над Одигитриевской церковью.

3. Сто первый километр все – таки это образ жизни.

На современной сцене Гранд Опера идет новейшая постановка бессмертного произведения Лючия де Ламмермур, и где герои оказываются не в таинственном Средневековье, а по фантазии режиссера находятся в нашем счастливом времени, где они окружены наркоманами, которые безумствуют в страсти разврата, потерявшие истинную любовь.

Утро за городом. Завтрак состоит из грибного супа заправленного сметаной. Ароматно! Просто вкусно.

Стук в дверь. Голоса за дверью, объясняют, что ранний визит вызван, тем, что они из церкви «Свидетели Иеговы». Потом постучался в дверь электрик, спросил все ли нормально с лампочками. Потом явился участковый доктор, фельдшер по образованию, как ангел, пришел, дал совет, и ушел.

За городом живущих обитателей называют дачниками, потому что они просыпаются к полудню. Жизнь днем чуть оживляется, и быстро к вечеру замирает, и детский смех вместе со старческим ворчанием, тоже затихает.

Депутат так и не зашел, а на выборах обещал, что никогда не забудет, будет приходить навещать да помогать. Не пришел, и к вечеру депутат, а обещался.

Пенсию завезут в субботу, а может в понедельник, какая погода будет. Если не будет холодка, или снежка, то непременно привезут.

Тихо в поселке. Собаки лают только на чужих людей. Январский день длится всего часа три, и снова мгновение смеркается вечером в ночь до утра. Ночь в поселке это другой образ жизни, ориентируешься в темноте, все больше на ощупь, да на шорох.

Наступает длинный вечер. Вечерний чай. Ломтик лимона в

стакане чая. На кухне без света. Будто из-за экономии, а вот и нет, просто глаза к темноте привыкают, и слух обостряется. И каждое слово дорогого стоит в сельской глуши. Слова определяют смысл живущего человека.

Не каждый вечер такой, но бывает и так. Японцы по своей национальной традиции никогда не плачут, а у нас нет, нам и себя жалко, и других заодно жалеем, от того и слезы наворачиваются на наших глазах, когда смотрим последние новости по телевизору.

4. Мгновение – не забвение.

Залив, как море, только с малой прибрежной волной. После новолунного прилива наступает период отлива. Водной гладью затихает залив. От водорослей камни окрасились в красный цвет.

В сосняке запрятаны семейные автомобили. Дикий отдых с мангалами и дымком. Шезлонги, и утомленные тела в купальных костюмах. Уравновешенное созерцание на море-залив, когда корабли на рейде, и небо располосовано белыми струями от реактивных дежурных самолетов.

Тропинка с усыпанными хвойными иголками вьется меж сосен, пропадая в кустах черники. Под ногами мнутся ветки, стебли, упруго выпрямляясь, поднимая вверх зудящих комаров.

Тишина. Именно тишина. От городского нудного шума, от мигающего света витрин, от постоянной необходимости движения, и правильной парковки. На коротких радиоволнах продолжается спектакль «Он и Она и Интернет».

– Ты встревожена от отсутствия слов.

– Я думала и фантазировала о любви.

– На один день стало больше нежности.

– Арифметически?

– Химически! Пойми, пошла реакции любви. И тут не бывает слов, я скучаю. Химия любви – это всё!

– Я упаду на твои ладони снегом, и превращусь в капельку.

– Я её выпью, и она оживит древо нашей любви.

– Ты лучшая женщина Земли. Это случилось, когда, Луна, Марс и Земля, в какой-то момент близко сошлись в треугольнике неба. Марс исчез. Луна родила месяц. Земля осталась с детками-землянами. И земля снова брошена, и забыта во всей Вселенной.

– Если любить женщину до безумства, он станет сумасшедшим! Так и мы… Ты, и есть, тот самый Мастер, а я твоя Маргарита.

Послание в сети: «Улыбнись, просыпаясь, и мир одари

лучами тепла и любви. Улыбнись от самой чистой души, встреть рассвет, восхищаясь, не спеши грустить! Улыбнись, ну давай же, ведь твоя улыбка очень много значит для друзей. И с улыбкой встречай рассвет!»

Снился сон, самый бесплодный сон в жизни. Ничего личного. Благодаря семейным традициям в обществе формируется мораль, в результате которого складывается семейный невроз, который проецируется в жизнь.

Пушкин мог изменить жизнь Евгения Онегина. Поэту ничего не стоило изменить драматургию произведения и влюбить Ленского в Татьяну. Тогда бы не было дуэли. Евгений Онегин не стал бы состязаться в искусстве любви. Он сблизился бы с Ольгой, и волочился за ней по свету как-нибудь.

И за что любят люди молодость? Труднообъяснимо! И думают об этом мгновении жизни с терзанием сердца, как при расставании последней любви. Диагноз прост. Отсутствие любви – отсутствие молодости. И каждый момент любви может стать возвращением к молодости.

Еще недавно в прошлом десятилетии мужчины приносили себя в жертву любви к женщине, потом наступила эпоха перестройки, которая развеяла романтизм любви в рамках криминального городского жанра. Женщинам стали нравиться брутальные ребята. И эта минулась эпоха. И вот стали мальчики и девочки более рафинированными, быстро растворяющимися при любых неблагоприятных ситуациях. Тогда друг другу желали не падать духом, теперь не впадать в депрессию. Это другая депрессия, как свищ боли, когда прорывает тишину изнутри. Именно тишину бесчувствия. Трудно даже представить, сколько лириков погибает в такой тишине.

Сигарета выгорела, и коричневая оболочка потемнела от табачного разогрева, пепел, обугливаясь, рассыпался в воздухе. Дым саднит легкие кашлем, разрывая тишину.

В расстоянии сто километров от города жители становятся другими. Они погружены в свободу тишины природы без дорог и тропинок. И свобода – это не безделье, это созерцанье мира, и в нем нет вещей, чтобы вдруг увидеть в какое-то мгновение то, что не видел раннее, или даже за всю жизнь.

5. Ой, кумена!

Вокзал. Фотография на память. Всё на память! Едешь туда – незнамо куда. Ищешь то, сам не знаешь что. Когда оказываешься в вагоне третьего класса, или в общем плацкартном вагоне, то

тогда начинаешь понимать, в какую попал нишу общества. Никогда не оставляет ощущение, что это временно. Только до следующей остановки, или до следующего дня, или когда-нибудь это кончится, это путешествие, и начнется новое приключение.

В вагоне веселые детские голоса. «Куда едете? Как тебя зовут? Никита, конечно. Мне шесть». И мальчик показывает пять пальчиков.

«Зачем едем? Мама ищет работу. Папа меняет только машины. Куда едем?/ Буквы знаешь? /В интернете играю. / Большой, значит!/ Да, не маленький».

Ночь. Вокзал. Гостиница. Переночевка на скрипучей кровати. Утром едим в автобусе и перед нами родной пейзаж поля, холмы, пролески, и через каждые двадцать километров маленькие поселки. Доезжаем до пересечения дорог, а там по указателю по проселочной дорожке еще километров пять до села большого. И снова поля ржаные и холмы зеленые.

Пятничный день. Едут с базара. Голосую автостопом. Подбирают на попутке до села. Спрашиваю, расспрашиваю про дальних родственников. Зачем приехал. Землицы родительской взять. Зачем? Сон был такой, наказ дан, поехать, и привезти. Чудно! Пойди в тот дом, потом в тот, кто-то, что-нибудь, и расскажет.

Прошли в дом, сели за стол. Пьем чай. Едим лепешки. Хозяевам гостинцы – конфеты. Идем в другой дом. Опять пьем чай. Опять лепешки. Чай вкусный. Тут тысячу лет бьют подземные родники с ключевой водой. И берут из века в век эту воду, и только на чай.

В третьем доме отказываюсь от чая. Сидим на скамейке под кустом сирени. Гуси на лужайке. Кругом бедненько, да чистенько. Оглядываюсь, и меня охватывает ощущение, что я, когда то видел эти знакомые места, но когда, и почему, мне так близки, эти холмы, речка Ломатка. Загадка, вот тебе, и отгадка, в том, что мои родители всегда переезжали из города в город, и выбирали места, чтобы непременно там была река и холмы. И всегда высаживали куст сирени перед домом.

Сердобольная женщина привела мне еще жителя, который сел, и стал мне рассказывать мою родословную. И чем я дольше его слушал, тем сильнее ему верил, потому что он рассказывал в подробностях о жизни моих родственников. Откуда ему знать обо мне, а ведь знает. Чудно! Я глядел в сине-голубое небо, и думал, как в такой глубинке, в забытом селении, который и не на каждой карте обозначен, говорят о тебе, что и к гадалке не ходи. Я не стал его дальше расспрашивать, что сказал, то сказал, и на этом спасибо. К этому селу одна дорога от трассы, и дома вдоль одной

улицы, и мечеть, а на склоне часовня. Между ними дом правления с отечественным флагом.

В прошлом веке в селе жили более пяти тысяч человек, многие говорили на пяти языках. Сызмальства, перебегая со двора во двор, подхватывая на лету татарские, мордовские, чувашские, русские слова, смешивая в мишаро-мещерский диалект, слушаешь, вроде слова понятны, а смысл, не всегда сразу и улавливается, в этих краях без знания этого языка, нет и промысла. Здесь с рубля всегда дают сдачу мелочью. Это конечно не столичная жизнь, тут живут скромнее. Так было заведено, что летом мужчины уходили на заработки по реке Волге, а теперь в столичные города. Маленькие люди с большой историей, у многих накосилась жизнь, и после раскулачивания, и после войны. Исчезли с пригорков дома. Люди сгинули. И стоят в два ряда по одну сторону речки покосившиеся дома с выцветшими ставнями. Городок в две улицы. Летом родители привозят детей на каникулы к старикам из города. Был тут когда-то колхоз, а теперь два фермерских хозяйства. Деревенское молоко по городской цене. В каждом доме сегодняшняя цивилизация, проведен свет, газ, водопровод, а воду все равно берут из родников.

Молодой мулла Раиль, в этот особый день, джума, читает особую молитву, потом угощает чаем и беляшами. Моя плата, «закят», падает купюрой в коробку больше похожую на избирательную урну. Напротив мечети живет другой, старый мулла, который читает молитвы только при погребении на кладбище. Молодой мулла жалуется, что никто из пожилых людей не ходит в мечеть на пятничную молитву. Сетует на то, отчего, сюда никто не возвращается, тут так нужны учителя, врачи, строители. Молодой мулла не знает истории этого села Горюхина. Горькая история, прежде всего, детей довоенных и послевоенных лет. Правда предков покоится в этой земле на два метра глубже. Возродится ли эта земля без детского смеха, вот вопрос. Сельское кладбище с могильными плитами и крестами стало больше по площади, чем поселок. Да помогут молитвы. Аллах бирса. Господи прости.

В детстве это было. Провожали родственников в другой город. Уезжали поздно вечером. Было звездное небо. Мой брат, ему было лет десять, посмотрел в небо, с грустью произнес, наверно я эти звезды здесь больше не увижу. В этот город ни случайно, ни намеренно, он так, и не приехал. Но эти звезды ему светили всю жизнь. Три звезды из созвездия Ориона. Где бы он не находился, только по жизни одни звезды ему стали ближе, а другие дальше. Каждый выбирает свой путь под звездным небом.

Может он и сейчас видит те же звезды, что и тогда, только с другой точки земли.

6. Мудрые и неразумные.

В июле дозрела черника, в августе отяжелела красными ягодами брусника. Прошли дожди. И в пролесках сосен и берез появились сначала лисички и сыроежки, а потом белые грибы. В осень на обочинах лесных дорог цепочкой стоят машины. Начинается грибная охота. Горожане, вооруженные целлофановыми пакетиками прогуливаются по лесу, как по Невскому проспекту, неосторожно сбивая ногами грибные шляпки.

В тишине леса становится абсурдом военный кризис в Украине. Возможно ли, вот так, взять, и разорвать тишину взрывами снарядов, пулями автоматов. Получается, что и в двадцать первом веке это возможно. Преступление? Да!

Это бесчеловечно даже по отношению к земле, которая нас кормит. В этой тишине леса слышится щебет птиц, комариный писк на болоте, журчание струй мелких речушек. В голове проносится не верю, что где-то убивают взрослых, и детей. И кто считает погибших муравьев от разорвавшегося снаряда.

Человеческая трагедия может случиться и в более простых ситуациях. Когда не хватает нежности. Когда любимые уходят друг от друга, предают друзья. Как стать нежным? Как завоевать любовь? Прощения не просят под дулом автомата. Любовь завоевывают любовью. Для того, чтобы прибавить миру нежности, то каждое утро надо встречать с мыслями заботы друг о друге. И уметь ждать. Устал ждать, начинай мечтать, устал мечтать, начинай сочинять стихи о любви. Только влюбленные знают, что есть особенное живительное дыхание любви.

На радиоволне продолжается спектакль.

– Только у нас пустяки вызывают проблему. В жизни суть проста. Твои уста мои уста.

– Что ты желаешь? Так будет честнее. Нужно сказать слово из шести букв, чтобы я улыбнулась тебе, и твоим словам.

– Нежная? Нет. Добрая? Нет. Мудрая? Что за загадка?

– Прости.

– Мне проще сказать ятымынежно.

Женские размышления утомляют быстрее, чем мужские. Поэтому с женщинами долго не шути. Женщина больше философ, чем поэт.

Осмысление современных отношений по Тургеневу. Героиня

была молода и одинока. Он был сам такой добрый и скромный. Остального доказать невозможно. Красоту женщина теряет в двадцать лет, а желанность – в тридцать лет. У одних полуслова, недоумение, у других порывы и задыхающаяся радость. На смену «бабам с мозгом», пришло поколение женщина с умом, или деловая женщина. Без чувств, и без привычек, но с охотой жить.

7. Философия факта.

Годы проживут люди под одной крышей, а так, и ни разу, и не поговорят друг с другом по душам. Поговорят по пустякам, да по хозяйственным заботам. Из памяти легко уходят события, лица, потом имена, и не припоминается сразу, как того звали, ну того, который приходил в прошлый месяц, или год назад. Один день тянется, как год, в другой раз год проходит, как один день. Где-то затерялась моя старая записная книжка, это сейчас в компьютере есть корзина, в которую все прошлые памятные дела бросают, как мусор, или удаляют из истории. Компьютерная мышка в мгновение ока стирает с экрана все слова, как настоящий грызун съедает потерянные зерна. Только вот человеческая память лучше компьютера сделана. Вроде, и забыл, и долго не вспоминается, и будто из сердца вон, а вот, и нет, именно, то и вспомнится, да еще, и в не подходящий момент жизни, а как припомнится, да как откликнется, болью в сердце, и в руке. До стенокардии, до грудной жабы. До боли в зубах. Ах – ох. С памятью не шутят, уж слишком она контролирует совесть.

«Эх, печки – лавочки, чего обижаться, жизнь такая», – как говорил мой земляк Василий Шукшин. У целого послевоенного мальчишеского поколения бедность, безотцовщина, и не до тепла материнских рук. От того, и осталось целое поколение не полюбленное, оттуда пошло, и поехало, следующее поколение. Не поколение выбирает пепси, а навязанные ценности выбирают некоторых из толпы, и вводят в искушение слабых и незащищенных.

Слово, сказанное, наше, по сути, можно понять, и по – другому. Материал вроде наш, да фасон чужой, а потом подсунут по тому же фасону, но с нейлоновыми нитками. Как бывает, и вещь не нужная, взять, да и выбросить в мусорный бачок, не томить себя, и не по жадности, а все в корзину складывается на черный день. Будто в долг живется, а если, и так, как сказано, не оставь долги наши. Придумали умные люди пенсионную корзину, и сделали экономический расчет по потребительской корзине на сутки, то есть сто грамм мяса, шестьдесят грамм рыбы, которая и

на закуску не пойдет, и опять эта корзинка, без маленькой добавки в сто грамм водки, просто ни куда не годится. Пустяки? И как от этого не закурить?

Свободная пресса сообщает, что Центробанк пообещал отпустить рубль в свободное плавание вместе с долларами и юанями. По прогнозам метеоцентра возможен тайфун с цунами. В собесе говорят, с пенсией пока подождите, все пересчитают, компьютеры дали временный сбой в программе, и теперь приходится сотрудникам вручную пересчитывать наши копейки. Что такое копейка, и что на нее купить можно, доживешь когда-нибудь до светлых дней, и все познается.

В трудовой книжке имеется странная запись, объявлена благодарность в честь праздника Первого мая. Что за праздник такой? Дай Бог памяти! Первое мая в тысяча девятьсот восьмидесятом году был праздник Мира и Труда. Награждались люди за высокие производственные показатели в своей профессии. Странный праздник, теперь такого нет. Конечно, другие люди – другие времена. Теперь сплошной праздник Хэллоуин.

В поселок привезли фермерское молоко. Очередь. Фермер коров держит у себя в загоне около дома. Кулак перестройки это фермер – бизнесмен. Восемь человек у него справляется с этим хозяйством. Еще есть поросята. Коз и баранов не держит, потому что эта живность с норовом, и часто убегают в лес. А там от них в лесу остаются только рожки да ножки.

«Эх, пустая кастрюля да сковорода. Жизнь такая, что и не расслабиться», – говорил всегда своему соседу. Сколько жили в одном доме, а по душам так и не поговорили. Только вот оказия, что он возьми, да на прошлой неделе и умри.

Пришла вдова, отошедшего в мир иной соседа, просит, написать от ее имени самому Губернатору, будто она неграмотная, а сама работала бухгалтером, пенсию высчитывала нам на прокорм. Теперь пиши за нее, что ее Палыч, такой сякой, болел, хворал, и заслужил о себе память. Зачем? Вот имеется выписка из морга, заверенная патологоанатомом, где он указал о скрытых при жизни его болезнях. О болезнях всю жизнь скрывал, хотел молодцом выглядеть. И выглядел, никто и подумать не мог, что он хворобой. Жизнь, какая была, и вспоминать не хочется.

Губернатор, и так ежедневную сводку получает, сколько померло, сколько народилось. Он и так знает. Губернатор все знает, обо всем ведает. Он соболезнование выражает, если только лицо было чем – то примечательное. Вот сколько лет с Павловичем в одном многоквартирном доме с ним прожили, а по душам, так и не поговорили.

Да и я с ним не очень много болтала, молчун, он был такой, а то и в день выборов депутатов, возьмет шкалик водки, и целый день проспит, так и не проголосует.

И, что я напишу, что был такой сякой, и на выборы даже не ходил, еще к ответственности тебя привлекут, как несознательную гражданку большой страны.

За что? Да я дальше этого косогора двадцать лет не выходила.

А сейчас тебе, зачем, геройствовать своим Павловичем.

Не говори, мой Павлович, вот какой герой был, и она руками нарисовала в воздухе квадрат.

Это уже памятник! Хотя, и из воздуха, но памятник. Это уже серьезно. Неси бумагу, и карандаш, что-нибудь напишем.

Ушла и не вернулась, либо авторучки не оказалось, либо бумагу пожалела.

Есть рассуждающие философы. Я говорю, или молчу, но думаю о тебе, значит, ты существуешь. Это философия факта. Это позитивно. Это приближается к философии любви. Я думаю о тебе, ты существуешь, перестал думать о тебе, ты не существуешь. Ты есть, и в тоже время, для меня – тебя нет. Только я в этом мире песчинка, и о том, что я думаю, многим тоже дела нет. А это другая философия. Мир разобщился только потому, что каждый живет своей философией.

В лесу стоят березы, утопая в белом снегу, две ели на приморженном снежном пригорке, а по обочинам дороги лежит фиолетовый снег. Стелется змейкой тяжелый туман между сосен. Из нор вылезают подмороженные грызуны. Подснежники в восемь лепестков в мелкой зелени листочков в подтаявших оврагах. Бабочка лимонница желтым листком парит над полянкой. Льдины на заливе разламываются до россыпи льдинок и отгоняются ветром от берега. Клином с юга возвращаются перелетные птицы. Приближается весна, как всегда, с опозданием.

8. Его хата с краю, и я ничего не знаю.

От кольцевой автомагистрали убегают направо и налево в ямах проселочные дороги к дачно-садоводческим кооперативам. За полосой сосен открываются картины художественного ремесла последнего десятилетия двадцатого века, традиции которых продолжаются в двадцать первом веке. Картины холстов художников передвижников Шишкина, Репина оживают воочию. Взрослые, как большие дети строят сараи, бани, дачи, фазенды,

хижины, дворцы в зависимости от фантазии и возможностей. Это надо видеть. Туризм пока в этом направлении не развивается, а жаль, поучительно и занимательно.

Сейчас бытует неправильно привитое слово дача, название которых колеблется от просмотров зарубежных сериалов, то дача превращается в хижину дяди Тома Петровича, потом в фазенду дона Карла Николаевича, потом в коттедж графа Ивана Непомнящего. И как не обидно, у одного действительно строение превратилось в хижину, у другого – в коттедж, или в шале, а начинали реэволюцию все вместе с шести соток земли. Кто-то строился на пригорке, а кто-то и на болотце.

Серьезного отношения к строительству дач поначалу не было ни у кого, как и становление бизнеса в период перестройки всей страны. Дают ваучеры, берут, потом передают, перепродают в акции, опять берутся с энтузиазмом за акции, и надеются на финансовое чудо, что бумажки превратятся в рубли. Что-нибудь, да и выгорит. И в действительности, а скорее в переносном смысле слова, чаще выгорало, а конкретно сгорало до последнего рубля, и оставался пустой кошелек с пеплом внутри.

Вспоминается рубка леса на садовом участке, как лесоповал по статье кодекса, раскорчевка, как поднятие целины по комсомольской путевке, закладка фундамента, установка бытовок, сараев, как строительство второй транссибирской магистрали. У многих вся история жизни промелькнула в панораме великих перемен шести соток огородного поля.

История хаток продолжается. Поставили сруб сезонные строители, халтурщики, которые обещали положить бревна в шестнадцать венцов, а положили в пятнадцать. Соседи похлопывают по бревнам дома. Рассуждают. Лес хороший. Четыре ствола украли. Не считал? Зря. Чего не подсказали? Так сожгут. Что с них взять? Шабашники. Одним словом гастарбайтеры. Гости наживы. Приходил один вчера, назвался бригадиром, в прошлом году, мох подносил, а теперь, слыхал, кличет себя бригадиром-строителем. Сруб поставил. Это полдела, впереди еще дело – отделка дома.

Проходит второй год. Те же соседи. Фундамент подведен под дом. Опять не так. Водить будет, дом на болоте стоит. Строители, себя громко рекомендуют, Миша, а на деле Ахмет или Булат. Объясняют, руками разводят. Что много строили в разных городах, кругом много строили. Были пскопские до вас, тоже много строили, да не достроили, след простыл. Сруб сгнил, а хозяева на этой почве развелись, трагедия. По первому холодку все исчезли. Сосед не одолжишь пилу? Самому нужен инструмент, баню строю. Сын, говорит, папа баню построишь,

приеду специально из Нью-Йорка.

Идет третий сезон. Опять стучат топоры, молотки. Тут вот, надо вот, этак. Хорошо, посмотри на меня. Теперь на дом. Лет пятьдесят простоит? Простоит и сто. На наш век хватит? Хватит. Это теперь не строят дома, а только конструируют здания из бетона, арматуры и стекла. Так никогда не строили в старину, знали, что дом это, прежде всего, тепло дерева.

Прошло десять лет. Понастроено у кого ввысь до третьего этажа, у кого вширь до границы межи, у кого поросло вишневым кустарником. Сосед гвозди не одолжишь? Самому нужны гвозди, тут каждый на учете, вот парилку, панелью отделываю. Сын обещался скоро приехать, попариться. Там в Америке не знают, даже, что такое березовый веник.

В теплый июльский день наливаются ягодами клубника, смородина, наливаются плодами сливы, вишни, яблони. Трава пошла в покос. Не стучат топоры, а визжат бензокосилки, стелется трава. В полдень зной. На вечер дачный шашлычный ужин. Соседи реже перекрикиваются через забор. Нет ни уток, ни гусей. Квартирные кошки греются на солнце с хозяевами на траве.

Прошло двадцать лет от первого колышка, вбитого в землю в этом садоводстве. Сменилось поколение. В прошлый месяц был этот сосед, гулял тут, а теперь нет его, так и не достроил свою баню. Достроят! Кто? Как узнал, что сын возвращается, так на радостях, раскочегарился под водочку с парком, и на утро околел. Приходил агент из недвижимости. Новый хозяин все будет перестраивать, и выкорчевывать вишневый сад. Нет, они всё будут сносить, и по своему, строить. Новый хозяин сам себе барин. Что это я все о грустном. Осень наступает. Но осень, не зима. Вон и лягушка окрасилась в цвет рыжего опавшего березового листа. Перезимует. А там весна. Другая жизнь. Что это опять о невеселом. Теперь, что не скажешь, все получается с грустинкой. Жить говорят нужно позитивно, это по варианту живи и улыбайся. Только не разулыбилось. Скучно рассказываю. Так жизнь такая. Я могу расшутиться, но это никому не понравится. Годы тут прошли, как в параллельном мире, вся история страны: лесоповал, раскорчевка целины, строительство всемирного фундамента. Вот и всё!

Теперь вместо соседа на участок заявился нежданно-негаданно в гости электрик, который подслеповато, подмигивая, размахивает распоряжением, что срочно в установленный законом срок заменить старый счетчик. Потом приходит налоговик, с противогазом на голове, размахивая бухгалтерским постановлением об отмененных льготах, обещая, что в скором времени будет введен особый налог за воздух, которым дышим.

Ах, какой воздух, особенный, терпкий, в границах шести соток. Несется дымок из соседнего участка. Жгут мусор. Плачут и смеются внуки. Взрослые дети соседа говорят, а слышится в их голосе интонации соседа. Чудно, как-то. Его нет, а интонация голоса в его детях осталась, который только не придет и не скажет, что вот, и на его век хватило.

9. Прилив – отлив, волна к волне.

На Заливе отлив. Чайки на воде – к дождю. Накануне юго-западный ветер переворачивал волны до бурунов, предвещая шторм. Сосны, как ветки, сгибались под порывистым ветром. К утру улеглась волна тихой гладью. Небо затянулось, будто полиэтиленовой парниковой пленкой. Суета отъезжающих в город в воскресный день. Провожающие безмятежно смотрят из окон домов.

Женщины идут друг за другом, в городе они пожилые дамы, а тут выглядят, как старушки, одетые в чистенькое, по старой моде пальто и шляпы. Громко разговаривают, чтобы не потеряться в лесу, а не для душевного откровения.

Вы уже об этом говорили в прошлый раз. Откуда, я об этом только вчера прочитала.

Как это, похоже, что вы об этом мне уже рассказывали, или я по телевизору это слышала.

Да нет, я об этом прочитала только вчера. Только, когда это было вчера? Какое сегодня число? Месяц? Снег, почему на тропинке лежит? Сейчас разве не июнь? Говорили синоптики, что климат поменяется, наверно, уже прогноз свершился. Апокалипсис.

Голоса стихают, и они исчезают из вида.

На прогалинах долеживает крупчатый снег, каплями стекая в пробивающуюся траву.

В доме нагревается чайник. Заваренный чай, смешанный с листвой брусники, смородины, тягучим напитком разливается по чашкам. Начинаются торопливые сборы в дорогу после выходного дня. В городе ждет смена одних забот на другие.

За время летнего времяпрепровождения проходит целая дачная эпоха. Пока цвел Вишневый сад, эти дяди Вани, и Сестры жили тихо, и только к окончанию сезона, как в конце пьесы, после пустого обворожительного ничегонеделания, вдруг кто-то произносит из соседней комнаты, дурак, и еще раз дурак, все оборачиваются на игроков в карты под интерес на дорожку. Все улыбаются сами себе. Есть такая манера развлечься, или убить

время, перед отъездом в город.

Жизнь за городом, это жизнь в замкнутом круге, когда от любви возвращается здоровье, или от восстановленного здоровья вновь приходит любовь. Радует всё, если обладаешь тем, и другим, одновременно. За лето мы успеваем любить, обещать, и навечно замолчать. По молодости не разборчивы, а под старость становимся переборчивы. Праздно отдыхающие – все эгоисты. На отдыхе мужчины и женщины становятся другими. Не верьте летним обещаниям. В этом виновато солнце, небо, море и песок. Обещание – любить, это означает встречу следующего свидания. Прошлое не любят, а о будущем мечтают, потому что снова придет лето, и навеет беззаботную любовь. И так забыв прогулки, чтенье, сон глубокий, лесную тень, обед из шашлыка, зелени, и красного вина, уединенье, тишину, чему спокойно предавался лишь Онегин, другие дачники к зиме бегут в город, ища друзей в праздничной суете. Минули годы, и ничто не изменилось под созвездием Ориона. Александр Сергеевич, ничего личного!

Экскурсия по равнинам и холмам.

Прогулка от помпезного парка, взбалмошного, капризного, и построенного в подражание Версальскому или Дрезденскому паркам, который используется новой властью под рауты, конгрессы с обязательным фейерверком, и плотным ужином. Пустеет казна, его величество Народ, созерцает по будням только дорожки парка. По приданиям старины, тут ходила, если не Елизавета Петровна, то непременно Екатерина Вторая, а теперь групповые экскурсии. Красотища неописуемая. Всё принадлежит народу. Даже монахи знали, что собственность, и есть воровство. Только метаморфозы образуются в природе, как, например, с насекомыми, когда из яйца – гусеница, а из куколки выпархивает очередная бабочка. Так, и в обществе людей, есть превращение, сначала гражданин или мещанин, а в перестройку буржуа, а потом глядишь, если не почетный гражданин, то обязательно горожанин. Мещанин и буржуа по сути своей занимаются общим делом – только своей частной жизнью. Между превращениями есть дистанция огромного размера.

За холмом парка играет гармонь. Дорога петляет между вывесками и стрелками указателей в сторону залива. Профилакторий сменил название на вывеску санаторий. Теперь чаще едут заграницу на отдых. В Турцию, Испанию, Тунис на Средиземное море. В санатории останавливаются, те которым по годам, или по состоянию здоровья, трудно пребывать в жарком климате.

Меню для похудания. Процедуры для успокоения нервов. Врач ветеринарно отправляет пациента к физиотерапевту, а тот

рекомендует наслаждаться природой. Прогулками. По маршруту номер три, если преодолел первые пятьсот метров, потом тысячу, значит, пройдешь, и тысячу пятьсот метров после завтрака и обеда. Санаторные комары сосут кровь по капелькам для повышения гемоглобина, а пиявки разжижают кровь. Тут все полезно для здоровья. Возможна аллергическая реакция на комариный укус? Бывает и такое. Так в меру увлекайтесь прогулками. Знающие знают, о чем разговор. Тело слабеет, а дух бодрится.

Незадачливому отдыхающему всегда обнаружится сочувствующий из той же породы больных, какой-нибудь доктор Хаус, который предложит из своей бутылочки вылечить стенокардию или аритмию, несколькими каплями своей настойки на меду. Для этого у него всегда в кармане дежурный стакан, и своя таблетка, которую он отдаст любому, ни сколько не жалея. Он душа компании. Как с таким другом, потом, да не выпить, и не закусить. Таковы особенности национального санаторного лечения.

Вечером концерт, высокое искусство в массы, только певице мешает петь в полное звучание зубной протез, фальшь не улавливается из-за несовершенных слуховых аппаратов слушателей. На прощание под аплодисменты певица ласково говорит, и советует психотерапевтическим напевом, улыбайтесь, и сердце улыбнется вам. Главное сердцем не стареть. Так заведено, поколению, которому за шестьдесят лет обязательно поют романсы девятнадцатого века, хотя они в своей молодости подражали другим кумирам: Битлам или Поющим гитарам. Рядом во дворце сверкают огни фейерверка, а в санатории слышится только гул канонады рвущихся петард. Блеск и нищета дворцов и санаториев.

В молодости конфетки, в старости таблетки. С возрастом возникает страх безвозвратности прошедшего, хотя это чаще внутреннее стремление избавится от груза ненужных лет. Кто-то идет, а кто-то бегает, или катается на роликах, и в шестьдесят лет. Это бабочка не помнит, что она была гусеницей, или куколкой. О человеке и говорить нечего, который после стресса мгновенно ничего не помнит, и все забывает. Никогда не сравнивай себя с Лилипутом или Гуливером, потому что в одном случае преуменьшаешь, в другом преувеличиваешь, оставайся самим собой.

Закрой и открой глаза, и поверни направо. Пристань. Яхты. Волны. Голодные чайки. На воде поплавки сонных рыбаков, ждут удачу. Солнце. Снова закрой и открой глаза. Свобода от процедур. И обед – компот, без бутылки светлого вина. Закрой и открой

глаза, и просто иди, свободно и легко, иди. Вот это жизнь, а, именно, жизнь в свободе передвижения. Звонок по мобильному телефону. Слушаю. Рад, что позвонили. Буду ласковым и нежным, для того и лечусь. Как еще сказать нежнее нежного. Уже сказал. Значит, вдохновение пришло.

Так незаметно в этот год июльская жара перешла в августовскую теплынь.

10. И он был праведным и благочестивым.

Апрель. Верба распочковалась пушистыми цветками. Над холмами разносится колокольный звон, предвещая пасхальные дни. На пригорке появилась новая церковь, прихода нет, а батюшка есть, он суетится, встречая любого гостя. Кто построил храм? Те, кто пожертвовал на храм, по скромности, просили их имен не называть. Есть таинство исповеди о земных грехах, а там – Бог рассудит. Нелегко им гордыню прятать, или грехи их велики. Как знать? Да, конечно, таинство исповеди никто не отменял. Если не нашел Бога, то в безбожные дни, как напасть, приходят болезни старости.

Один любит образ более, чем человека. Другой любит человека во всех его образах. И в этом разница, в нужности или ненужности самого человека. Только это никто не доказал. Женщина может быть музой в настоящем времени, но не в прошлом. И холодно, когда молчат. Хотя молчание бывает знаком невинного счастья. У любви нет начала и конца, и в этом смысл любить, и ещё раз любить. Только не говори, что любовь это право и обязательство, потому что до гармонии жизни еще далеко. Если станет холодно от такой любви, то следует сделать один решительный шаг, и выйти из грез в реальность.

Горячий чай согревает, как ветка сакуры освежает наши желания. Счастье не в смене сезонов, а в состоянии души.

Возвращение в большой город по дорогам, когда движение уплотняется в пять, шесть баллов, а ближе к центру движение сжимается до семи баллов. Всё, стоп, тупик, пробка на дороге. И город в центре дымит выхлопными газами машин.

Вечереет. Солнце прогревает сквозь стекла комнату. На природе ощущаешь всем существом, что вечное земное именно в настоянном сосновом воздухе. Утомляясь наслаждением жизни, постепенно цепенеешь вместе со страхом небытия. И невозможное – возможно. Раньше поднимали тост: «Лишь бы не было войны». Теперь «За любовь», но лучше поднять тост: «За мир во всем мире» и «Возлюби своего ближнего, как самого себя». Эта

иллюзия сохраняет хрупкий мир. Не искушай себя и другого. Писатель – это ремесленник, литератор – это пророк. Отсутствие чудес – знак времени. Будут ещё чудеса, когда исчерпается знание.

Молодость, как всегда, права. Не я первый, но скажу, что любовные отношения освежают в тридцать лет, и в пятьдесят, то есть в нежном возрасте. Никогда не пытайтесь женщину, как кошку приручить к себе, они чаще гуляют сами по себе. Женщины и кошки наружно всегда находятся в неопределенном возрасте.

Возвращение из пригорода в город. Сенная площадь. Метро. Часовня. Полиция. Супермаркет. Голуби. Вечереет. Студенты, фарцовщики, и люди неопределенного социального класса, и лица без определенного места жительства и занятости, проститутки, и простые граждане, все тут. И много влюбленных. Для них в этот момент существует другой мир, и они в другом измерении счастья и любви. Их отличает от толпы то, что они не одиноки.

Голубиное счастье в поданном зернышке. Голуби не выпрашивают корм, им и так приносят сердобольные люди.

Глава 4. Попутный северный ветер

1. Во сне и наяву.

Время – это особое переживание события в пространстве. Время прекращает существовать, если нет сопереживания события. Иногда происходит обнуление, которое переживается качеством ощущения проведенного времени впустую. Ощущение это игра света в спектре радуги, звука в музыке, запаха и вкуса в аромате, осязания в прикосновении. Все эти ощущения собираются нервными рецепторами, которые мгновенно перерабатываются, и воспринимаются, как время. Эти ощущения структурируются сознанием в познании мира вокруг себя. Во времени живут те, кто участвует в постижении мира. Время – это я. Время – это ты. Время – это мы.

У насекомых есть особенность цикла прерывать время, но не прекращать его через метаморфозы яйца, гусеницы, куколки и бабочки, а именно, удлинить или укоротить течение времени в зависимости от цикла жизни. В этом нет тайны, а есть таинство сокрытия природы времени. У человека сон – это таинство времени, где оно теряет свою структуру, и контроль над человеком. Сон это первая попытка человечества контролировать время. Отсутствие сновидений свидетельствуют о потере времени. Сон не дает ощущений. Во сне человек живет образами, то есть в понятиях, представлениях в виде картинок. Во сне падает человек с высоты двадцать первого этажа и не разбивается, но это только образ сна, который, тем не менее, способен повлиять на решение судьбы. В реальности приближаемся к насыщению чувств и созданию новых образов. Время вымеривает путь к новым ощущениям и чувствам, и создает осмысление понятий и представлений, пробуждая волю к действию, избавлению от одиночества, проявляя этим продление текущего времени.

Что повлияло на человечество прямо или косвенно за последние полвека.

Полет человека в космос. Освоение целинных земель.

Военные конфликты, то на Ближнем, то на Дальнем Востоке, то на Юге Востоке. И все вокруг России. Десятикратная деноминация.

Расовая независимость. Непримиримость народов. Закат национализма. Девальвация роли личности во всемирной истории.

Сексуальная революция. Рассвет и закат феминизма. Равенство полов.

Создание Мир Интернет – Системы, а именно, Он Она и Мы. Систематизация глобализации. Радужные революции. Дефолт. Девальвация. Инфляцией сжимают, как тисками, Россию.

Выход человека в космос. Освоение соседних планет Солнечной Системы. Создание искусственного интеллекта. Нарождение человека другого поколения.

Всемирная банковская реэволюция привела к монетизации, к замене льгот денежными компенсациями. Это привело к разрыву человеческих связей, нарушению определенных взаимоотношений, утрате личностных ценностей. Реалии сегодняшнего дня рассеиваются. Люди выстраиваются в электронную очередь – в детский сад, в школу, в университет, на работу, в санаторий, на пенсию, на кладбище. Электронный некролог прост: принят, снят с учета, без соболезнования родным и близким по поводу без вести исчезнувшего человека.

Вот жизнь героя наших дней. Электронная очередь – длинный ряд без споров и обряд. Как грустно думать, мой Евгений, что жизнь, напрасна, нам дана. И дело не в желчи, а в монетизации общества.

Реклама – это чаще соревнование денег, а не вкуса. Одежда, купленная на распродаже со скидкой в девяносто процентов, не свидетельствует, что произошел выигрыш на тысячу. Хороша реклама на асфальте, где мелом написано, работа для девушек и пенсионеров. Телефон. Идешь, широко шагаешь, а работа под ногами валяется для красавиц, и чудовищ. У плохого рыбака всегда срывается рыба с крючка. Одни не умеют ловить рыбу, другие не могут ее вкусно приготовить. Птица, родившаяся в родовом гнезде, не доживает в нем свой век, а летит дальше, и человек долго нигде не гнездится, продолжая широко шагать по миру.

В мире столько людей, что слеза одного человека ничего не стоит. Теперь даже тысячи слёз ничего не значат. Потому что жизнь человека обесценилась донельзя. Человеку, стоящему в электронной очереди ни тепло, ни холодно. Теперь попробуй, подбрось монету вверх, наудачу. И удача улыбнется. В этой глобализации две стороны: деньги – товар, или товар-бартер, и наконец, бартер – деньги, и снова наступает круговорот деньги-деньги. И ничего нового пока цивилизации не воспроизвели в системе товарно-денежных отношений.

2. Геракл и Флора.

Петербург выглядит как Париж. Был ли в Париже? Нет, не был. Тогда как Москва. Опять нет. Я был в Москве, в городе огромных возможностей, но она другая, богатая и веселая. Петербург тоже богат, и от этого грустен. Москва в пределах Садового кольца, испещренная переулками, чем-то напоминает золотой треугольник Санкт-Петербурга, это закоулки с поворотами и тупиками, с закрытыми дворами и подъездами домов. Это мировое пространство, сжатое до предела, и где люди превращаются в маленьких человечков большого города, протестующего против всех дымящими сигаретами и пивными громкими разговорами: «бла, бла, бла».

Дневной город, без желтых огней фонарей, наполненный будничными заботами, совсем другой. Днем никто друг другу никто не удивляется. Соляной городок живет своей жизнью. Студенты – художники несут эскизы картин, музыканты – духовые трубы, артисты декламируют маленькие роли чеховских героев. Это все до вечера. Потом они идут на свидания. Это молодость!

В один из июньских жарких дней. Сенная площадь. Вечер. Какой-то праздничек. Играет уличный музыкант на гитаре. Двое подтанцовывают около шляпы, где деньги – на пропитание, как алименты на содержание. Толпятся зеваки. На заднем дворе около канализационной трубы сидят скинхеды, попивая пиво.

Трое бродяг неопределенного возраста и занятий. Добрые, грязные и ленивые. Один из них целует в щеку в круглое одутловатое бабье лицо. Она что-то хочет сказать, вспомнить какие – то слова. Машет рукой. И просто улыбается. Им хорошо. Около пятого угла торговки, продают залежалый товар, не уступая в цене, зазывая безразличных прохожих.

Духота, оборвалась молнией, и коротким проливным дождем. Передали по радио, что самолет рейсом Париж – Буэнос-Айрес исчез в океане, среди погибших был китаец, который застраховал свою жизнь на миллионы. Даже страховые компании посчитали, что это самое неудачное совпадение из жизни катастроф.

У Ивана Тургенева любой роман начинается с веселых и радостных явлений природы, а у Льва Толстого – с предчувствия грозы и бури, а жили они в одно время, в одну эпоху.

Я стою на том месте, где стояли напротив друг друга Толстой и Достоевский, а рук не пожали, из-за дворянского этикета, так как их никто друг другу не представил, случайно встретились, и странно разошлись. Произношу это не ради того, чтобы сказать красиво. Хотя это, еще не факт.

В разное время в разных местах селились знаменитости. В Биржевом переулке жили художники и поэты, на Сенной площади черпали вдохновение писатели разночинцы, композиторы чаще

прогуливались около Летнего сада. Прогулка по Петербургу это проявление новых чувств любви ко всей Вселенной.

И вот идет смена времени, и погоды, как смена жизни. Каждый горожанин ощущает на себе приход октября, в квартирах до первого отопления еще пахнет плесенью и сыростью. У всех это проявляется ознобом, насморком и кашлем, что-то вроде сезонной питерской простуды. За это бюллетень в поликлиниках не выдают, а предлагается взамен, закаливающие процедуры, обливанием холодной водой.

К зиме чаще на город ложится плотный туман, так что порой не видно другого берега Невы. Философы ходят по одному маршруту, по ним жители города сверяют время, будто только они знают решения всех вопросов бытия. Многие мечтательные ученые никогда не задумываются о конце путешествия, пребывая всегда в пути. Позитив жизни быть в пути. И мучительный поиск себя, чтобы прожить и не мучиться, прожить и не умереть по-глупому в неизвестности.

В Петербурге солнце никогда не бывает в зените. И это создает особую игру полутеней, что является источником творчества поэтов и художников.

После отмены крепостного права в России. Санкт-Петербург, наконец, перестроился из царских и дворянских усадеб в разночинный город. Двух и трехэтажные дома вознеслись до пятого этажа. Купцы, промышленники селились на третьем этаже, мещане – на четвертом, студенты размещались по бедности на последнем этаже. Потом пошла череда перестроек. Город надстраивается, и встраивается, архитектурными конструкциями модернизма, нового стиля свободы, который потом сменяется нигилистическим конструктивизмом, с попытками совмещения максимализма с минимализмом, строительством конструкций небоскребов из железобетона и стекла.

В Петербурге в году всего тридцать солнечных дней, и не всем хватает времени увидеть, что происходит в городе, но всем хватает невского северного воздуха. Прогулка по городу – это прогулка по островам, где каждый остров особенный по своей архитектуре. Зябко и ветрено на Фонтанке. Михайловский замок. Стоит унылый Геракл и извиняющаяся Флора, будто она тут не причем. Летний сад. Бронзовый Чижик – Пыжик в монетках наудачу. В луже тонет осенний лист березы. В этом месте города нет углов, а есть закоулки, которые ведут на простор к Невской стихии воды и ветра.

3. Следы памяти.

В сквере памятник Тургеневу на Итальянской улице перестроечного времени, усталый с тростью, небрежно сидящий, и вечно призывающий к любви в молодости. И памятник Достоевскому около Владимирского собора, где он увековечен больным и вялым человеком, лишенный бурных страстей. Кто не любил, тот не страдал. В одно и то же время могут сосуществовать антиподы. Они продолжили вечный спор между новым и старым, востоком и западом, где разделяет нас не стена, а время.

Каждый скажет, и я живу, и я страдаю. Почему? или за што? Вопрос «Почему» следует осмыслить другим славянским словом, а именно, «за што». На слуху разные слова, но с одним смыслом. Отсюда, и другое понимание судьбы и свободы.

Бывает так, одно событие проходит мгновением в сто лет, а последствия его тянутся лет на двести. Достоевский венчался в 1857 году 6 февраля первым браком с Марией Исаевой в Одигитриевской церкви в уездном городе, которая частично пострадала от землетрясения в 1898 году, потом в 1919 году была сожжена бандитами, а в 1929 году ее разобрали по кирпичикам на строительство металлургического комбината. Хотя сама церковь была построена на пожертвование купца Муратова. При венчании Достоевского в Кузнецке был, и другой собор, но он выбрал именно эту церковь. Потом, при другой власти, на этом месте построили современное здание тюремного комплекса с домовой церковью. Кто-то твердо считает, что в этом есть для узников особая мера проявления символы веры будущего.

Как трудно иногда понимать нашу историю. В Монплезире Петергофа (по – французски это слово означает «как мое удовольствие») царь Петр Первый допрашивал с пристрастием своего сына, от первого брака, царевича Алексея Петровича, который был казнен после этих событий.

Император Павел Первый в последнюю ночь своей жизни находился в самом неприступном замке, мог спастись, убежать, спрятаться от заговорщиков, но женская рука судьбы удержала его от унизительного побега от своих подданных-рабов.

В мягкий декабрьский день военные полки в Петербурге отказались давать другую присягу Николаю Первому, вместо наследственного царя Константина, отрекшегося странным образом от престола, они начали бунт на площади Петра Первого, в последствие были отправлены в ссылку, или на эшафот. Остальные присягали под выстрелы пяти пушек. Народ еще раз по-царски нагнули, и перекрестили, во славу царя.

Почти двести лет прошло. Восемь часов вечера. Сентябрь. Сенная площадь. Часовня. Голуби спрятались под купол часовни

и крыши соседних домов. В старинных петербургских квартирах за эти годы и шелковые обои истлели. Прошли демократические выборы. Петербуржцы сделали выбор.

До Перестройки петербургский интеллигент хвалился перед друзьями своим полным собранием книг, а в нынешнее время у каждого эрудита планшет-компьютер, ноутбук, и каждый абонент всемирной электронной библиотеки. И никого не разбирает зависть. Нет страстей! Стряхнув археологическую пыль прошлого с наших мыслей и действий, освобождаем путь вперед, считая любовь – это принцип, свобода – это прогресс.

4. Из гвардии в гарнизон – не резон.

Мои земляки. Это те, с которыми я встретился один раз по жизни, и с недосказанным, или не прочувствованным, ощущением расстался, и есть твердое убеждение, что жизнь даст вторую удачу встречи. Случайных встреч и расставаний не бывает. И любая мечта сбывается.

Антиподы на противоположном земном шаре живут, как и мы, только они об этом не догадываются. Ни какой разницы в переживаниях, только сюжеты разные.

Забайкалье. Воинская часть. Там ещё железная дорога есть, по которой ездит поезд Москва – Пекин. Станция Мирная, маленькая, грязная, в не отапливаемом помещении зимой еще холоднее, чем в сопках. Тут никогда не останавливается поезд, а только замедляется ход вагонных колес, и в это время в поселке отключают свет для маскировки, но больше по идейным причинам.

Выезжали на учения, где проходили выучку, как защищать родину. Снова учились ходить, но на плацу, и строевым шагом. Гарнизон. Утро. Дневальный. «Рота подъем!» И сон, как рукой снимает. Дневальный. «Рота отбой!» И день прошел… И сон уже в подушке. «Подъем! На зарядку становись. На плац, бегом, марш!» Сержант опять строит взвод на вечернюю поверку. «Враг перешел границу. Утром будет здесь бой. Марш спать. Отбой!» В этот момент ничего не соображается в голове новобранца, только успеваешь подумать почти во сне, а завтра – бой. Девушка родная будет ждать? Завтра война. «Подъем!» Где враг? Пошутил старшина. Розыгрыш, такая военная игра есть. «Салага. Смешно. Правильно. В армии без этого ни как нельзя. Так тошно! И мне тошно». Опять пошутил, привычка такая. «Ты на гражданке был начальник, а тут я начальник». Понятно. «Еще слово и рука будет сломана в трех местах». Опять шутка. Построение взвода в

казарме. «Ты рядовой, Кешка, на дембель поедешь в звании сержанта, хотя у тебя исполнительность буратская. Я – якут. Знаю, что ты якут. Но исполнительность у тебя неправильная. Все говорят, что лучше меня никто не проводит политзанятие во всем военном округе во время утренней поверки. Сон, как рукой, снимаю умным словом. Родину надо любить, как мать родную». «Так точно. Служу Советскому Союзу!» «России служишь. Тут твой отец кто? Ответ правильный – командир роты». «Так точно!» «Смирно! Равнение на середину, товарищ командир полка, рота построена для проведения учения». «Вольно!» Это означает, ногу чуть расслабить, а ремень не расстегивать. За разговорчики в строю. «Два наряда вне очереди». «Нэ понимаю». «Пять нарядов, вне очереди, на кухне». «Товарищ сержант не имеете права, не по уставу». «Тэпэрь, вы усё, понимаешь. Отставить разговорчики в строю. За знание воинского устава награждаю одним нарядом вне очереди, четыре оменяю. Встать в строй. С песней на обед. Шагом марш. В рот положить это еще не еда. Солдат он такой. «Солдаты в путь, в путь. А для тебя родная, есть почта полевая». Если за год не станешь генералом, то и за сто лет им не будешь. В армии нет массажного салона, тут спину массируют рюкзаком! «Только две зимы, только две весны, и я вернусь, моя родная, ты только жди». Слов из песни не выкинешь. «Раз. Раз. Кто там шагает левой. Раз. Два. Раз. Два. Бегом марш!» «На дембель. Ура! Ура! Ура!» «Что делаешь, обмундирование перешиваешь, и не по уставу, зачем клинья в брюки вставил, сейчас не в моде клеш, ты слишком долго плавал солдат, теперь носят джинсы, и пьют пепси-колу. Там другая страна».

Замполит, старший лейтенант, состоял из положительных цитат, но его не любили, и не уважали даже сослуживцы, слишком он старался быть плакатным образцовым офицером.

Другой офицер, майор, начальник штаба, проявлял, то душевность, то злобу, и с таким не хотелось никуда идти, но в бою ему можно было довериться, знал военное дело. Во время отсутствия военных учений он сонно зевал, и иногда играл в шахматы с младшим лейтенантом медицинской службы на спирт. Жил в офицерском общежитии. Был без жены. Дослуживал срок, и считал дни до демобилизации и денежные выплаты по выслуге лет. На гражданке ждала его другая жизнь, жена и дети, которым опостылела за двадцать лет гарнизонная жизнь по съемным квартирам.

Есть такой долг у каждого офицера Родину любить. Эта такая школа жизни, когда мудрость может стать подлостью, а глупость – геройством, храбрость – куражом. Не всякое геройство заканчивается благородством. Была служба, как верный долг, и

всеми забылась.

Прошли годы. Очевидец выложил фотографии в интернете. Там где стояла наша воинская часть в сопках, охраняя рубежи нашей родины, теперь стояли эти казармы без окон и дверей. Сейчас жизнь без границ. Спрашивается, зачем мерз в той степи, а в жару, в пыли – зачем по-пластунски полз. Где над головой днем сине-голубое небо, а ночью черная бездна с плывущими созвездиями. Поезд дружбы «Москва – Пекин» навек, также катит колесами с запада на восток, и обратно, мимо буранного полустанка. Как так, чем гордился вычеркнуто из истории одним росчерком перестройки, распадом Великого Советского Союза. Такое бывает только спьяна. За что! Если нитка не прерывается, то сплетется большой клубок, если надорвана, может быть выброшена из клубка, так и жизнь у человека, как сплетется, у одного целым клубком, а у другого тоже клубком, но с надорванными нитями.

5. Феминизм и эмансипация.

Женская эмансипация завершилась в нашем обществе со счетом: один – один. Полет первого человека в космос. Распад колониализма. Совпал со второй волной сексуальной революции. Перестройка совпала с третьей волной сексизма. Феминизм принял форму борьбы за социальные права, а закончился сексуальный поход разрушением этических норм любви и распадами семей.

Женщинами не становятся, ими рождаются. С открытием подсознательного поведения по Фрейду, на некоторое время научная общественность удовлетворилась учением о подсознательности любви. Но со временем некоторые позиции снова стали пересматривать из-за определения приоритета социальных прав в семье, в обществе. В двадцать первом веке остро ставится вопрос феминистами об особой миссии женщин на Земле.

Женщины – это другие люди! Это трудно представить, а еще сложнее понять. Мальчик идет с девочкой за руку из детского сада, потом они еще дружат в школе, а во взрослой жизни выясняют между собой отношения. Мои исследования отразились в книгах «Женщина плюс…», потом «Женщина: гармония души и тела», и «Женская неврология». Многие исследователи уделяли внимание психологическим проблемам. В конце – концов, научные изыскания в психоневрологии привели к определенной точке зрения, что существует другая, а именно, женская

неврология, которая ничего не имеет общего с мужской неврологией. Женщины другие по определению, и по своей сути. Понять женщину, это как понять Бога. Вопрос вопросов. По Библии. Почему Бог выбрал деву Марию. Потому и выбрал, что она – женщина. Тут и тайна Бога. Ибо Женщина – есть Тайна Вселенной. Мужчина – есть мужчина. Сакральный смысл бытия, в том, что мужчина дающий семя женщине, и чудесным образом, они сотворяют по своему образу и подобию другую жизнь.

Многие представления в отношении мужчины постоянно меняются. Мы становимся другими. Любовь – это дар, а секс – это искусство. Цинизмом иногда мы называем, то, что не принимаем. Это надо принимать, как в науке, как новую парадигму, которая меняет не суть вещей, а устраняет заблуждение, в котором живем до определенного времени, и это зависит не от прозрения, а от того, что стала другая жизнь. Другая свобода жизни. И эта парадигма двадцать первого века – парадигма любви и мира, которая сменила старую парадигму: любви и войны. Позитив философии, в том, что любовь – это принцип, прогресс – это цель. В наше время шла дискуссия в клубе феминисток, которые предавали анафеме мужское мнение о женщине, считая его чужеродным элементом в периодической таблице женского счастья. Феминистки отделяли мужчин напрочь от себя. Слабохарактерным женщинам они предлагали контрацептивы. Мужчинам, в первую очередь, психологическую кастрацию. Они жертвенно готовились к клонированию детей, и быть суррогатными родителями, считая экстракорпоральное оплодотворение нормой жизни, будто они уже жили на другой планете. И если воспитывать, то только клонов. Лучший план жизни – это жизнь без мужского идеала. И первые нежные слова для ребенка: «Я клон». Их любовь к Клону определялась странным одиночеством. Когда феминистки оказывались все вместе, то говорили только о том, как они ненавидят всех мужчин. В этой дискуссии каждый остался при своем мнении, как лёд и пламя. Замечательно, что не все женщины мира думают, как эти девицы из Фан-клуба.

У любви могут быть десятки значений. У эскимосов в природном языке нет обобщающего слова снег, а для каждого случая, у них снег что-нибудь, да и означает, то поземку, то наст, то круп. Эскимосы, живущие среди снега, различают их оттенками цвета. Феминистки в ненависти к мужчинам не различают оттенки любви.

На всех языках существует слово любовь, как и слово свобода. Я вас люблю, простые слова, но в тоже время магические, которые спасают души. Эти слова пробуждают эмоции, нежность и заботу.

Любовь – это свобода. Секс – это рабство тела. Есть игра слов по – французски, где в основе лежит иноязычное слово либерти, означая свободу. Путаницу человеческих понятий в отношениях между мужчинами и женщинами сексологи превратили в игру бессмысленных слов.

У поэтессы в сборнике «Коррида любви» остались следы, которые похожи на шрамы, от одной истории любви в пятьдесят стихотворений, где все понятно, что напоследок надо сказать, простите, простите, простите… Никто мы теперь. Проснулись. Забыли сон…

6. Старец отец Сергей.

Звонок по телефону. Для меня отец Сергей старец по образу и по подвигу в жизни. Православный. Его возраст ни для кого не имеет значения. Он иногда повторяет, что тело дряхлеет, а дух бодрится.

Наш диалог переходит в монолог, а потом в диалогический монолог.

Позвонили. Нечаянная радость! Мне жалуется девица, что её прекрасные волосы выпадают, а лицо горит огнем, а на самом деле, на ее теле ни одного прыщика. Хочет закончить жизнь самоубийством. Эгоистка! Тогда, что мне делать, если я с детства не мог ни бегать, ни ходить, в лучшем случае на костылях, или в инвалидной коляске. Мне теперь шестьдесят лет, и что делать. Ни кто не знает, а я живу, молюсь, и в тягость ни кому не хочу быть. Зачем.

Тут журналист хотел обо мне написать статью, и чтобы вжиться в мой образ жизни, в образ калеки, попросил мою коляску. С уговором, что все по настоящему, сам ничего не делает, только просит помощи у прохожих. Время пошло. И стал он взывать к прохожим к сочувствию, и просить помощи довести на коляске до общественного туалета. Люди проходили безучастно мимо. Смотрели на него, как на мусор, брошенный около бачка. Ни сказать, что его не слышали, и не видели, а некоторые даже по особенному реагировали, один подросток подошел и прошипел со словами, что так по голове ему настучит, что забудет какой сегодня год, потому что он мешает ему слушать музыку по плееру. Но не все такие, подошел сердобольный, больной сердечник, объясняет ему, что он и рад покатить коляску в сад, только он сам только, что перенес инфаркт сердца. Журналист не выдержал мук позывов мочевого пузыря, все по настоящему, звонит жене, просит приехать к нему, та ему, в

ответ, что его шутки вот, как достали, и до полуночи для него она не освободится. Журналист, схватил коляску, и ко мне, и говорит, как вы можете так жить. Как? Я ему отвечаю, что всю жизнь, так живу. Коням – солому, а свистопляскам – овса. Его жизнь другая, утром в офис, ему Петр Иванович, или Иван Петрович, в кабинет и коньяк принесут, а тут, те же люди, и они в равнодушии проходят мимо. Сначала овечкам, а потом человечкам. Только стоило пересесть из кресла в коляску, и нет тебя, как большого важного человека, стал в одно мгновение человечком. Сначала с друзьями, потом с червями. Что я не правду говорю, как вижу, так и сужу. У меня проблема с глазами. Катаракта привела к слепоте. Тут из собеса ко мне набежали, как черти. И я молил, боже, избави меня от немощи. Прооперировали, стал видеть одним глазом, себя обслуживаю, еду могу сам разогреть, чайник вскипятить. Бог не всем угодил, а человек подавно.

О Виталии Викторовиче слово замолвите, он столько сделал для людей, еще и церковь восстановил для душевнобольных. Я знал его, пусть и другие знают. Предали его из зависти. Я так скажу, он – Новомученик двадцать первого века. Делай, что можешь, а там, как Бог даст. Грешники трясущиеся кормят праведников. Доброту люди не приемлют, только мудрость. Нет хуже, чем не законченный труд, начал строить, строй, не сдавайся, возводи храм, люди добрые помогут, на перепутье трех дорог долго не стоят, какую-нибудь дорогу да выбирают. Грешники кайтесь, а святые молитесь!

У меня голова не болит, сердце не болит, а ноги всю жизнь волоку. Одним духом сохраняю себя. Как наша Россия, всё с прошлого века встает с колен. По Даллесу, американцу, хотят посеять у нас смуту, разврат детей, обнищание стариков. В архивах вряд ли это найдешь, посмотрите на меня, мы это самый лучший архив, по нам можно изучать народную жизнь. И каждый, не носи лишней одежды, подари ближнему, не носи ненужного груза, оставь, будь легок и свободен. Не стой в электронной очереди за пособием.

Меня восхищает в Сергее Дмитриевиче его ежедневный путь в философию существования, смысл жизни одного дня, другой день может и не настанет, по слабости здоровья. У него день убыл, а доброе дело свершилось. По силе правды и нравственности он ближе к пророкам. Только пророки дают ответ на не детские вопросы, как преодолеть конвейерное одиночество безвозвратности электронной очереди. Человек дитя Земли, а Земля ребенок Вселенной.

7. Ветер перемен.

Глобализация предлагает на фоне войн, террора, коррупции и мошенничества международный индекс счастья, то есть рай на земле. При этом охватывает безмерное чувство, что человечество проживает на небесах, и читает только молитву «Отче наш». Этот индекс показатель благосостояния человека и состояния окружающей среды. Нет человека – нет счастья. Даже, если жив курилка, то к старости индекс счастья при долголетии ни как не дает ощущения полного здоровья. То, что задекларировано, то еще не гарантировано клубом под названием глобализация, сконцентрировавшая в своих руках масс – медиа, бизнес и власть.

Земля, как доказано, держится не на трех китах, и потому многие вопросы разрешимы. Только по какой философии жить, вот вопрос. По Аристотелю, когда богатство не имеет предела, и только раб рабу, и господин господину. Маркс и Энгельс использовали в своей критике все Аристотелевские посылы на устроение мира, а также Платоновские изречения о равенстве, что дети, жены, и собственность должны быть общими. И что нового ими было сказано, только то, что миром правит капитал, а мошенничество находится в зависимости от размера прибавочной стоимости. И это называется диалектическим материализмом, где вечная борьба частной и общественной собственности продолжается и в наши дни.

Средневековье проела античность, капитализм съел средневековье, социализм поглотил капитализм, а вот социализм погубил компьютерный вирус глобализации.

На протяжении веков человечество пытается выстроить геометрию времени, считая, что время в человеке – это врожденное внутреннее чувство, отсюда, и философия жизни в виде творческой эволюции воли.

Мир реален. Действительность проявляется в действии. Истина может существовать и в состоянии покоя в виде ничто. По Демокриту весь мир состоит из атомов и пустоты. И пустота покоя наполнена паутиной атомов. И все истина.

Вечный философский спор кто сказал про это, первый в древности, или, это все-таки сказано в наши дни. Беспрестанно Аристотеля и Платона переводили с греческого языка на латинский, потом на арабский, затем снова на латинский, или кастильский языки. Вот и получили перевод текстов со всех других языков с искажениями и ложными толкованиями. Так что философия дня она справедливее всех предшествующих учений.

Обыденная философия и обыденные идеалы. Идеал социалистического общества: квартира, дача и машина, и плюс, кухонный интеллектуальный идеал свободы, спокойный сон, и уверенность каждого в завтрашний день.

Пришла перестройка, демагогия и террор, как заокеанский ураган, который пронесся над Богородичным поясом России, окрасив в пепельный цвет траура, светлую простую жизнь. Пришло время понять, что означает принять, а именно, философию и мудрость Великих народов объединенных одной идеей Русь.

8. Белые города.

Поиск блестящего мира. Этот поиск Белого города, где живут свободные и счастливые люди.

Город Солнца – это город с золотым храмом Солнца Томмазо Кампанеллы. Оказалось, что не может даже духовная аристократия, интеллектуальная олигархия при формальной демократии уничтожить эгоизм селекционным методом деторождения, образования и воспитания. В скором времени этот город пришел в упадок.

Общество управляется моралью, а государство законами. По каким канонам жить, вот, что выбирает человек. Самый трудная дорога это путь по совести. Если так случится, что все станет по совести, то многие социальные институты исчезнут из жизни людей. Не надо будет брать штраф за переход в не положенном месте, так как по совести, уступишь дорогу тому, кто спешит. От ненормальных привычек люди излечатся, как после гриппа. Так иногда думается.

Другие ищут светлый путь через шамбалу, вход в Алтайское Беловодие, на Белый остров, где не пашут и не сеют, и где произрастают яблоки, виноград, арбузы, кто туда попадает, назад не возвращается, потому что счастье там обретается в полной мере.

Другое место Китеж-града на дне озера Светлояр. Известная легенда в православном мире. В тех же краях среди мещерски-мишарских полей затерялась другая Шамбала – Ломаты, где земля ведет свою меру времени, где, то появляется град, то исчезает, и снова приходят странники к семи колодцам, к источникам самой чистой воды на планете.

Есть Северная Шамбала на территории Якутии – земли Олонхо. Земля там чистая, как первый снег. По легенде войти в эти города можно через особые ворота, которые открываются тремя ключами сразу вместе: любовью, красотой и знанием. Как только человек оказывается в таком городе, на него нисходит особый белый свет и чистота. Кто ищет, тому открывается путь, кто стучится в двери, тому открывается обитель.

Московский Кремль опоясался богородичным поясом стенами Белого города. И стал город столицей семи цивилизаций. Язык московский имеет семь оттенков, кто бы на каком-то природном языке не говорил, этот русский язык смешанных народов, разумеется, всеми.

Дальше Петербург с белыми островами, каналами и мостами. Эпохи застыли в камне архитектуры. Здесь нет смены времен года, кто живет весною, кто летними белыми ночами, кто золотой осенью Летнего сада, кто зимою белыми снегами. Может тут случится, и такое, весна затянется оттепелью, и встретит лето снегом, а зиму – дождем. Плохого настроения не бывает, всё не предсказуемо, как встречи и расставания. Еще вчера говорили, подождем до завтра, теперь говорят, нет сейчас и здесь, и еще подождем до послезавтра.

Человек, так, и не развил других возможностей от сотворения мира, как ходьба, бег, лазание, плавание, ползание. Некая трансформация личности, может быть, и произошла из-за скорости, комфорта, и стиля жизни, но за это человек вынужден дорого платить. Высока ставка жизни – высока и её цена.

9. Город мастеровых.

Архитектура утрачивает свои позиции, потому что перестала черпать вдохновение из литературы, музыки и живописи. Искусства получили новый посыл от свободы личности. Начался путь самовыражения через слово поэзии, звуки мелодий, и игру красок.

Люблю поэтов и художников, и библиотекарей, одни замечательно говорят, другие отлично видят, третьи терпеливо читают.

Почему только поэты говорят о любви, искренно ревнуют, учат верить и ждать, и остаются верными солдатами настоящему чувству. Только в русском языке есть смысл образующая связь времен и пространства. Если не понятно слово, то переведи его на французский, английский, или арабский, а потом снова на русский язык, и тогда поймешь, что данное слово, самое подходящее, и оно обретет, тот настоящий смысл сказанного. Исключительность, без исключения из правил, это и есть существование всеобщности.

Люблю я поэтов – веселый народ.

Даже, когда они плачут. Поэт больше, чем поэт. Он громадище! Поэт говорит по настоянию души. Когда хочет, и как хочет. Трудно быть поэтом в перестройку, где каждый третий

мнит себя, или буржуем, или анархистом.

По поэтам судят о нравах женщин, только они умеют восхищаться холодностью, или страстностью женщин. Самые лучшие женщины любят поэтов за то, что те умеют по настоящему восхищаться и поклоняться, как жрицам любви. Хороший аппетит в словах по молодости, а в старости остается потребность в них, как в витаминах.

Люблю я художников – страстный народ.

Жена Художника жертвенно поднимает глаза к потолку мастерской комнаты, и с изломанными жестами рук, произносит, что любовь для нее не семейные узы, а служение искусству художника, которое, как известно, принадлежит народу. Я согласен, несправедливо, потому что она Муза для художника, а по иронии судьбы творчество большого художника принадлежит всему миру.

Последняя работа Художника осталась не завершенной, картина закрыта плотной скатертью от любопытных посетителей. В мастерской лежит мольберт с засохшими красками, который скорее представляет собой полотно законченной картины. Это произошло на восемьдесят седьмом году жизни художника, когда в его руке кисть замерла на мгновение, как дирижерская палочка, и он бросил эту кисть с красной каплей краски на мольберт, воскликнув: «Всё! Лучше я написать не могу, хуже не хочу». И покинул мастерскую навсегда.

Жена Художника обращается к любительнице по рисованию, оценивая достоинства картины, написанные ночью, когда цвет красок на полотне не отражают солнечной палитры, где краски играют больше полутенями, и она советует: «Чуть отпустите себя! Тут нужен кураж, и тени заиграют светом».

Кураж это путь к свободе. Художники пленэристы рисуют воздух природы, баталисты – огонь победы, портретисты – психологию натуры. Художники любители чаще рисуют одиночество.

Живость красок иногда зависит от сложных химических взаимодействий металлов и катализаторов. Вся красота мира зависит от химии красок, как любил говорить Дмитрий Менделеев.

Мастерская художника Куинджи. Там демонстрируются картины его учеников и мэтра на одну тему «Березовая роща». Соревнование с молодостью, кто лучше Учитель или Ученик. Тут Архип Куинджи играл в шахматы с Дмитрием Менделеевым, и тот помог ему составить некоторые краски, используя знания химии металлов.

Константин Коровин раскрыл солнечные краски после

путешествия по Италии, где белый цвет, как и голубой, признан цветом скорби и печали, а для нас жителей Севера является цветом радости, из которого рассыпается радужный свет. Человек чаще скорбит от того, что имеет много, и радуется чаще тому, что размером с ячменное зернышко.

Свобода модерна раскрыла новые краски нашей жизни. Художники долго придерживались красных и золотых цветов, как символов торжественности и богатства. Художники импрессионисты превратили цвет в блестки и зигзаги, в нарушении всей цветовой логики света.

Люблю я музыкантов – смелый народ.

Петербург, как Прага или Вена, пресыщена во все века гармоничным, элегантным и уравновешенным искусством музыки. Всегда высокий вкус слушателя взыскательно относится к исполнительскому таланту, тут идеологическим авторитетом публику не взять, только творением рук, безупречным звуком и без фальши нот. Композитор Скрябин впервые заговорил о цветомузыке, прогуливаясь по Парижу, в самый мирный период жизни планеты перед Первой мировой войной, после приезда из Петербурга, когда воздух был насыщен миром и любовью. В таких случаях говорят, молчали пушки, музыка звучала. Скрябин спорил с Римским – Корсаковым за звук и цвет одной ноты фа-диез-мажор. Они видели и слышали этот звук в разной волновой интерпретации.

Пианисты в своих концертах любят сочетать произведения Рахманинова и Мусоргского, или Чайковского и Рахманинова. Сергей Рахманинов пробудил двадцатый век «Весной» и вторым фортепианным концертом. Композиторы открыли музыкальный модерн двадцатого века, как например, Александр Даргомыжский пушкинским «Дон Жуаном», Модест Мусоргский гоголевской «Женитьбой», Сергей Рахманинов пушкинской поэмой «Скупого рыцаря». Ни на каждый язык переводятся стихи Пушкина, но в музыкальности не откажешь поэту, как и таланту русских композиторов, которые донесли в звуке, не искажая стиль, и не теряя смысл великих творений.

Шифр цвета потерял свое могущественное воздействие на психику человека. Мир утонул в иллюзии, утратив чувство времени. И модерн вернул краскам энергию электричества и копоть газовых горелок. И теперь синонимами цветовой гаммы являются электричество, газ, металл и силикон.

Цвет и форма, звук и ритм, запах, и прикосновение создают новое мироощущение, сочетание белого и черного, а между ними радужный мир. Ограничение человека, в какой либо части искусства приводит к диссонансу межличностных отношений,

нарушая гармонию человеческого порядка, создавая предпосылки к унисексу, и обретению навязчивого страха одиночества. И тогда природа искусства становится суррогатной матерью, или клубом для джентльменов – отшельников. Этому диссонансу противостоит только большое искусство.

Модернизм создал новую единую эстетику, соединив прогресс науки и культуры. Модернизм стал тем, кем хотел быть, а именно другим искусством, другого поколения, других людей.

10. Нечаянная радость.

На углу набережной Фонтанки и Пантелеймоновской улицы изредка появляется человек странной наружности, долговязый, худой, с капитанской выправкой, осенью и весной всегда в длиннополом пальто и шляпе. К нему молча, подходят люди в ожидании какого-то чуда. Он хранит молчание, крупные черты лица придают его мимике застывшую оживленность. С этого угла открывается удивительный сказочный вид на Летний сад, на Фонтанку, на Церковь, похожую на корабль с алыми парусами, и на дворцы, и на дома с таинственными маскаронами.

Он прерывает молчание в ровно одиннадцать часов, и ведет по улице, где исполняются сказочные мечты. Тут жил Александр Пушкин «у цепного моста Летнего Сада против Пантелеймона в доме Оливье» в эти годы он переделал сказку о рыбаке и рыбке, Петр Чайковский создал музыку на балет «Лебединого озера», глядя на пруд Летнего сада. Александра Грин, именно тут написал, и посвятил своей любимой женщине феерическую историю любви «Алые паруса».

Александр Грин не любил, когда говорили, что его произведения это сказки для детей школьного возраста. Он смягчал краски жизни, но оставлял под чужими именами людей такими, какими были они в своих поступках. Он ничего не выдумывал, просто некоторые люди не верили в эти истории, потому что они жили чаще без мечты. Лилипуты считали, что страны Гуливеров нет на свете, а есть только их страна Лилипутия.

Александр Грин познакомился с Ниной Мироновой, когда она овдовела в свои двадцать шесть лет. Те годы для Петрограда были полуголодные, все – таки произошла, какая никакая, а революция, потом разруха, и наступила новая эпоха конструктивизма и модернизма. Они поженились и переехали в съемную комнату коммунальной квартиры со скудным багажом, связкой рукописей и немного одежды. В этом доме одиннадцать по

Пантелеймоновской улице, когда-то жил и Петр Чайковский.

Как ни сумрачна эпоха, но голодная, бродяжья юность, и молодость стали наполнять жизнь Александра Грина, и порывы страсти, претворили его самые заветные мечты, мечты любви. У него за сорок лет скитаний, странствий, и революционной деятельности бунтаря, и писательского творчества, кроме размаха полного огня сюжетов ничего не было. Он ни как не мог насытиться мечтой счастья новой жизни. Тратил и жег себя со всех концов. Он не любил насилия, ибо считал, что невозможно насилие уничтожить насилием. Сам жил не по лжи, и другим завещал, также жить. И другим он не хотел быть. Отважный Капитан Алых Парусов.

Потом семья Грин в двадцать четвертом году переехали в Крым в Феодосию, там продолжилась его эпоха новейшего романтизма в литературе романом «Бегущая по волнам». Супруга Нина Николаевна, говорила всем почитателям его таланта, что Александра Грина надо уметь читать, и тогда будут твориться чудеса.

«… Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберется народу, удивляясь и ахая: и ты будишь стоять там. Корабль подойдет величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах…».

Раз в году, в июне, в белые ночи, в городе мутных бухт, ночных отсветов желтых фонарей происходит невероятное событие, которое бывает только в молодости. Огни кораблей и катеров. Тесна и пестра каменная набережная. И тысячи выпускников получивших аттестат стоят счастливые, не знающие печали, обмана, и предательства, становятся в мгновение взрослыми. И свет звезд им ниспадает с неба.

Стрелка Васильевского острова. Ростральные колонны. Трехмачтовый корабль с алыми парусами плывет по Неве. Плывет по фарватеру корабль юности, подгоняемый попутным ветром, с семью футами под килем, в блестящий мир. Корабль счастья! И ими обретается новый смысл жизни. И губы шепчут. «День за днем люблю тебя безмерно! Ты целый мир! Ты мои крылья! Ты мое счастье!» Корабль плывет по рекам, морям и океанам в страну больших возможностей. Приходит Время выбирать пути – дороги.

2015 год